

ПОЛЕТРОВСКАЯ
РУСЬ

АЛЕКСАНДР
ТОРОПЦЕВ

от Руси
к
россии

Александр Торопцев
От Руси к России

«Алисторус»

2018

УДК 94(47)
ББК 63.3(2)4

Торопцев А. П.

От Руси к России / А. П. Торопцев — «Алисторус», 2018

ISBN 978-5-907024-19-9

Книга Александра Торопцева рассказывает о московском периоде в истории Русского государства. Один из осколков Древней Руси – великое княжество Владимирское – становится колыбелью нового государственного центра – Москвы, города, вокруг которого «москва-народ» (термин И. Е. Забелина) начинает формировать централизованное русское государство. Через судьбы московских (и не только) князей, через эволюцию взаимоотношения власти и народа автор показывает, как Московское государство превратилось в Российскую империю Петра. Книга предназначена для широкого круга читателей, интересующихся русской историей.

УДК 94(47)
ББК 63.3(2)4

ISBN 978-5-907024-19-9

© Торопцев А. П., 2018
© Алисторус, 2018

Содержание

Глава 1. Долетописный период	6
Первая волна поселенцев	6
Вторая волна поселенцев	7
Одиннадцатый век	8
Древние города Подмосковья, не сохранившиеся до наших дней	11
Города, монастыри и знаменитые села, построенные в этот период в Московской земле и по соседству с ней	14
Глава 2. Основатели	16
Юрий Владимирович Долгорукий (90-е годы XI века – 1157 год)	16
Андрей Юрьевич Боголюбский (1111–1174 гг.)	40
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Александр Торопцев

От Руси к России

© А. П. Торопцев, 2018

© ООО «Издательство Родина», 2018

* * *

Глава 1. Долетописный период

Первая волна поселенцев

История Московской земли начинается как минимум в эпоху великого переселения народов (IV–VII века нашей эры), на ее завершающем этапе, в VI–VII веках, когда славянские племена стали осваивать лесостепную и лесную зоны Восточной Европы. Из курса мировой истории известно, что основные потоки «великих переселенцев» устремлялись в центры крупнейших держав Древнего мира, одряхлевших от старости и ставших легкой добычей воинственных племен. Лишь Византийская империя с большим трудом и огромными потерями устояла под ударами этих племен. «Великие переселенцы» прошли вдоль и поперек почти всю Евразию и Северную Африку. Только самые труднодоступные области и обитавшие там народы не испытали сокрушительных ударов иноземцев, которые, например, не забрались на вершины Тибета, Памира, не освоили Заполярье, Сахару, Гоби, другие пустыни земного шара.

Не пошли воинственные в междуречье Оки и Волги.

Сюда во второй половине I тысячелетия стали прибывать племена ильменских славян, вятичей и кривичей. Но что же тянуло сюда людей? Может быть, громадные богатства, созданные в здешних краях угро-финскими племенами? Нет. Угро-финны не строили роскошные сооружения, не копили тоннами золото, другие драгоценности. Но может быть, пришельцы хотели поработить местных обитателей? Может быть, славяне узнали о каких-нибудь залежах золота или серебра в междуречье Оки и Волги? И это не так!

Почему же славяне отказались от заманчивых перспектив быстро разбогатеть на ухоженных землях Римской империи и свернули с широких дорог «великих переселенцев»? Ответив на этот вопрос, мы узнаем корень всего московского, то качество, которое принципиально отличает воинственных «великих переселенцев» от будущих москвичей и подмосковичей.

Московская земля действительно богата. Сплошные лесные массивы, а в них зверя и меда, грибов и ягод, лекарственной травы и других даров леса великое множество. Хорошо напитанная близкой водой земля. Богатые рыбой реки и озера. Не столь уж суровый климат для сильных людей. Пригодная для земледелия и скотоводства почва. Все это видели пришельцы, и о богатствах здешней земли знали те, кто отказался сюда идти. И те, и другие понимали, что в междуречье Оки и Волги нужно было очень много работать, чтобы богатства эти получить! Да не один год работать. И не два-три десятилетия. А гораздо больше здесь нужно было работать, создавая, говоря современным языком, прочную экономическую и политическую инфраструктуру. Это дело куда более сложное, чем просто воевать да грабить, да поработать, да присваивать.

Принципиальная разница между «великими переселенцами» и славянскими поселенцами заключается именно в том, что одни устремлялись в «Римскую воронку» завоевывать, а другие забредали в междуречье Оки и Волги работать. Славяне избрали путь в истории неспешный, мирный, трудовой. Поладив с угро-финскими племенами, они медленно-медленно осваивали сложную и одновременно красивую, богатую и своенравную землю.

Вторая волна поселенцев

Во второй половине XI века в Киевской Руси разразилась распря князей. Участвовать в ней хотели далеко не все жители Древнерусского государства. Многие из них слышали о Заокской земле, куда не забредали боевые дружины, где жизнь текла спокойная и мирная. И те, кто мечтал так же мирно жить, покидали обжитые земли Поднепровья и уходили на «лесной» восток.

По небольшим рекам, а где-то пешком, добирались, добредали они до Угры, спускались к Оке. Река Ока быстрая, справа и слева от нее леса стояли нетронутые да луга заливные лежали, радуя добрые души нежным бархатом трав, – живи, работай и радуйся. Кто-то останавливался, селился на живописных берегах, рубил избы, обживался. Кто-то плыл дальше, до того места, где стоит сейчас город Коломна, впервые упомянутый в Лаврентьевской летописи под 1177 годом. Здесь в Оку слева впадает Москва-река.

Москва-река! Небольшая по географическим меркам река, но ставшая великой рекой. Кто сейчас на земном шаре не знает Москву-реку! Это – сейчас. А в те далекие времена она представляла собой тихую Окскую заводь. Мирную заводь бурных потоков истории, оберегаемую хмурыми на вид, но надежными, теплыми сосновыми борами, то и дело взбирающимися на покатые холмы да на редкие крутояры, чтобы с вершин лучше видеть, надежнее охранять от воинственного люда местную красу. Сюда сворачивали, забредали самые миролюбивые люди. И плыли они вверх по реке, в чистой воде которой отражались кристальная белизна березовых рощ, прозрачных, как апрельская вода, и облака, никуда не спешащие. И стояла здесь благодатная тишина, озвучиваемая лишь плеском весел да удивленной плотвы, да вздохами леса, старого и вечно молодого.

Бродниками называли этих людей. Бродили они по Восточной Европе в поисках мирного счастья и находили его здесь, в долине Москвы-реки, ее веселых притоков, да на берегах небольших озер.

Москва-река останавливала многих бродников у Боровицкого холма, за которым колдобились пороги. Люди взбирались на вершину покатого холма, осматривали окрестности. Хорошее здесь место, укромное, далекое от ходких дорог, по которым носились дружины князей.

Оставались здесь бродники жить. Кто-то, правда, шел дальше, вверх по течению рек, кто-то еще раньше сворачивал вправо на Пахру.

Свободной земли в здешних краях было много, но поселенцы второй волны наверняка обратили внимание на то, что земля местная была (к третьей четверти XI столетия) уже хорошо обихожена теми, кто работал и жил здесь несколько веков кряду. К сожалению, ученые пока не имеют точных данных, которые позволили бы составить более или менее четкую картину экономического состояния Московской земли в те века. Но существует одно веское, пусть и не прямое, обоснование мысли о том, что земля эта именно в экономическом плане представляла собой довольно сильный социальный организм, в чем читатель убедится, осмыслив следующий период истории Московской земли.

Одиннадцатый век

Город Москва впервые упомянут в летописи под 1147 годом. Но перед тем как перейти к рассказу о драматичной истории взаимоотношений основателя города Юрия Владимировича Долгорукого и его сына Андрея Боголюбского с одной стороны и владельца многочисленных сел в окрестностях Боровицкого холма Степана Ивановича Кучки и его детей – с другой, необходимо вернуться по дороге времени в XI век. И дело даже не в том, что именно тогда, по мнению некоторых авторитетных ученых, возникло первое укрепление на Боровицком холме, а в самом духе той сложной эпохи, в уникальности Московского пространства, в сложившейся здесь социально-политической ситуации.

Если попытаться коротко охарактеризовать XI век, то с большой степенью достоверности можно сказать, что это была эпоха, когда народы мира, в частности, Восточной Европы, оказались заложниками междоусобиц феодалов, князей и царей. В самом деле, к середине столетия образованные во время и после Великого переселения народов державы средневековья уже пали: в 745 году – Тюркский каганат, в 843-м – империя Карла Великого, в 918-м – империя Тан, в 945-м – Арабский халифат, в конце X века – Хазарский каганат.

Русское государство, которое основали в IX веке варяги, в XI веке этот процесс тоже затронул. Экономической основой державы на Восточно-Европейской равнине были две могучие реки – Днепр и Волга. Волга еще на рубеже X–XI веков утратила экономическую роль по следующим причинам. После падения империи Тан и крушения Арабского халифата на территориях этих стран образовались небольшие, постоянно конфликтующие между собой княжества. Следствием политической нестабильности во многих районах мира стало сокращение товарооборота на одном из крупнейших мировых «базаров» того времени – в Хазарском каганате, что, в свою очередь, подорвало жизнеспособность и этого, недавно еще мощного, государства.

С крушением империи Тан, Арабского халифата и Хазарского каганата упало и значение Волги как торговой магистрали, как важной составляющей экономики Киевской Руси, поэтому Днепр оставался долгое время единственной экономической опорой Киевского государства.

Во время правления Ярослава Мудрого Русское государство достигло наивысшего расцвета. Ярослав умер в 1054 году. А в 1056-м в Византийской империи рухнула македонская династия, существовавшая с 867 года. Во время правления этой династии Византия пережила величайший подъем во всех сферах жизни, а Константинополь вернул себе славу «мастерской великолепия». Недаром годы царствования одного из представителей этой династии – Константина VII Багрянородного – названы историками македонским ренессансом. Именно на период правления этой династии приходится, во-первых, расцвет Киевской Руси, во-вторых, взлет активности людей севера: викингов, варягов, норманнов. Именно эффективные экономические, торговые, да и духовные связи между скандинавскими странами, пережившими бурную эпоху викингов, Киевской Русью и Византией возвысили города Поднепровья и особенно Киев, расположенный в центре пути «из варяг в греки».

После падения македонской династии дела в империи резко ухудшились. И в Скандинавии тоже. Буйная эпоха «бродяг моря», приносившая Скандинавии громадную прибыль от военных походов в страны Европы, Африки, Азии и даже Америки, закончилась неудачным походом Харальда Хардероде (Сурового) на Альбион в 1066 году. Последний «король моря», как называли Харальда, конунга Норвегии, погиб. Поток товаров по Днепру катастрофически уменьшился, на что оказала влияние и дестабилизация в восточноевропейской степи, куда уже вошли из-за Волги сильные половцы, оттеснив на запад одряхлевших печенегов. Значит, ухудшилось и экономическое положение, а лучше сказать, экономические возможности сильно раздутых варяжским ветром громоздких городов Поднепровья. Пришлось искать другие воз-

возможности, другие земли, другие дороги, что и стало причиной кардинальной перекройки экономической и политической карты Восточной Европы, междоусобиц русских князей.

Распря между Рюриковичами, надо отметить, вспыхивала и раньше, еще в IX веке, но до 1077 года она носила локальный характер. Могушественным князьям киевским удавалось относительно быстро гасить огонь братоубийственных войн. Разразившаяся в 1077 году распря между внуками Ярослава Мудрого в корне отличалась от прочих тем, что борьба теперь шла не за киевский великокняжеский престол, а за господство новых княжеств, новых городов над старыми, над Русью, быстро меняющей не только экономическую географию, но и политические приоритеты.

Согласно упоминаниям в летописях, в XI веке в Восточной Европе было основано 62 города. В XII веке на Руси возникло уже 134 города. Стремительный рост городов и укрепленных поселений происходил в то время, когда роль варяжской опоры в экономике страны практически сошла на нет. Основатели новых городов решали задачи, по сути своей резко отличающиеся от тех задач, которые жизнь ставила перед князьями, боярами и простолюдинами Киевской Руси до смерти Ярослава Мудрого, а центр политической жизни восточно-европейского государства стал медленно, но неуклонно перемещаться в Северо-Восточную Русь. Именно здесь, в Заокской земле, рождались новые взаимоотношения князей и народа. «В самом деле, на севере князь часто первым занимал местность и искусственно привлекал в нее поселников, ставя им город или указывая пашню. В старину на юге (в Киевской Руси. — А.Т.) было иначе: пришельцем в известном городе был князь, исконным же владельцем городской земли — вече; теперь на севере пришельцем оказывалось население, а первым владельцем земли — князь. Роли переменялись, должны были измениться и отношения. Как политический владелец, князь на севере по старому обычаю управлял и законодательствовал; как первый замищик земель, он считал себя и свою семью, сверх того, вотчинниками — хозяевами данного места. В лице князя произошло соединение двух категорий прав на землю: прав политического владельца и власти частного собственника. Власть князя стала шире и полнее»¹.

Из процитированной мысли С. Ф. Платонова можно сделать опрометчивый вывод, что проникновение Рюриковичей в Северо-Восточную Русь шло как бы само собой, без борьбы. Но это не совсем так, а если учесть, что большинство новых городов, особенно в Залесье, основывалось на месте старых поселений, у которых были свои владельцы, своя история, свои обычаи и свои представления о жизни и власти, то можно предположить, что процесс этот не обходился без борьбы.

Первый упоминаемый летописцами эпизод из истории Москвы подтверждает вышесказанное. Смелость и дерзость боярина Степана Ивановича Кучки имели веские причины, корнями уходящие в древность, когда складывались основные правовые и имущественные представления обитателей Красных сел.

Московское пространство в XII веке представляло собой пограничную область, где столкнулись два славянских потока: кривичи и ильменские славяне — с одной стороны, вятичи — с другой. Граница между теми и другими уже детально прослежена археологами. Река Москва служила примерной границей между ареалом расселения вятичей и кривичей. Однако в районе Москвы поселения вятичей переходили речную границу и вторгались в кривическую зону большим «мешком». По заключению А. В. Арциховского, «Московский уезд, за исключением небольшого куса на севере, был вятическим»².

Это пограничное положение Московского пространства сказалось на всей его истории, на формировании города и характере его жителей. Пограничье — очень интересное место. Поезжайте на стык Тульской, Московской и Рязанской областей... Даже в скоростном XX

¹ Платонов С. Ф. Полный курс лекций по русской истории. СПб.: Кристалл, 1997. С. 121.

² Цит. по кн.: Тихомиров М. Н. Средневековая Москва. М.: Книжный сад, 1997. С. 59.

веке в пограничных районах, селах, деревнях нет городского шума, люди живут степенно, размеренно, славы не ищут, к труду относятся, как к волшебному целительному средству от всех недугов душевных и телесных, как к единственному способу жить достойно. Психология жителей пограничных районов бесхитростна и может показаться даже чрезмерно простой. Но вот что интересно – в этих пограничных районах, в российской глухомани рождаются удивительно сильные люди!

Москва тоже прошла стадию становления в глухомани, на пограничье нескольких княжеств: Ростово-Суздальского, Рязанского, Новгородского, Смоленского, Полоцкого, более того, Москва родилась на пограничье мировых эпох, когда, с одной стороны, практически все народы Евразии были поражены междоусобицей, а с другой – в Забайкалье уже родился Чингисхан (1155 год). Между прочим, очень символично, что через год после рождения Тэмуджина Юрий Долгорукий повелел возвести крепостные стены на Боровицком холме.

Пограничье наложило отпечаток на характер московского люда, на выбор им своего пути в истории, отличного от путей других народов в ту эпоху. Медленно, неторопливо, спокойно и твердо копил силы народ в этих местах, собирал вокруг себя земли и всех желающих присоединиться к своему сообществу.

Древние города Подмосковья, не сохранившиеся до наших дней

В X–XI веках на территории Московской земли стали возникать славянские города. Археологи насчитали около 50 городов, возникших здесь в X–XVI веках и не доживших по разным причинам до наших дней. Некоторые из них существовали несколько веков, другие – гораздо меньше. Система укреплений славянских городов Подмосковья была сформирована славянами еще в середине X века. Кремль города был окружен кольцевым валом. По гребню вала строилась деревянная стена, скрепленная городенами – забитыми глиной срубами. Иногда вместо деревянных стен славяне сооружали частокол. Кроме этого на валу возводились одна или несколько деревянных башен. Причем одна из них была проездная, остальные глухие. Перед валом, с внешней стороны города или крепости сооружался ров. Система укреплений постоянная ремонтировалась, обновлялась, а то и менялась полностью.

Известно, что строительного леса в Московской земле много. Это сосна, ель, а в те времена и кедр, лиственница, и береза, дуб. Лиственница, береза, дуб хоть и обладают завидной прочностью, но очень уж они трудоемкие, очень сложно работать топором да пилой с этим материалом. Сосна, ель, кедр – другое дело. Срубить из них избу или крепостное сооружение можно без особого труда. Зато стоять они будут не так долго, как сооружения из лиственницы, березы, дуба.

Об этой особенности главного в течение многих сотен лет строительного материала обитателей Подмосковья, к сожалению, забывают некоторые ученые, что приводит их к путанице. Вспомним, например, научный спор о дате основания, а значит, и об основателе города Москвы! Кто-то из ученых считает, что деревянный кремль на Боровицком холме мог быть построен еще в конце XI века. Кто-то отводит роль основателя Москвы Юрию Долгорукому. Кто-то – Даниилу Александровичу, удельному князю московскому. Кто-то – чуть ли не Ивану Даниловичу Калите, который повелел срубить дубовый кремль. Кто же из этих уважаемых ученых прав?

На мой взгляд, они правы все!

Логика жизни Московского пространства не отрицает возможности сооружения небольшой крепости на Боровицком холме еще в XI веке. Можно быть уверенным на все сто процентов, что в те времена плотники работали с сосной или елью. И то, и другое дерево может выдержать (в крепостном-то сооружении, крепко прижатом к земле!) что-то около 40–60 лет. По истечении этого времени крепость нужно менять. В 1147 году Юрий Долгорукий понял это, и через несколько лет приказал возвести на Боровицком холме новый Кремль. Опять – елово-сосновый. Прошло еще 40–60 лет, пришла пора вновь менять «корону Боровицкого холма». Ничего в том удивительного нет. Обидно, что эту особенность строительного дела в таежном крае (а Московская земля, московские леса очень напоминали в те века и гораздо позднее таежную глухомань, щедрую на стройматериал) забывают исследователи и историки Подмосковья.

Важно помнить еще о том, что почти все славянские города здесь ставились на новых местах, а не на местах, обжитых угро-финнами. Это лишний раз говорит о мирном, диффузионном процессе «вживания» в местную землю славянских поселенцев. Не стоит забывать, что именно так, основывая новые города по соседству со старыми селениями, создавала политический, экономический и географический каркас Киевской Руси знаменитая княгиня Ольга, мать первого великого русского полководца Святослава Игоревича. Разница лишь в том, что города Ольги поначалу представляли собой в первую очередь крепости, убежища для сборщиков налогов. Но очень быстро они превращались в привычные для нормального обитания тружеников города с посадами, с прилегающими к ним деревнями, селами. Здесь же, в Мос-

ковской земле, новым поселенцам было не до налогов, да и не за этим они прибывали сюда, а за тем, чтобы самим трудиться и обживать щедрую землю.

Лишь некоторые из многочисленных славянских городков были поставлены на месте поселений, принадлежавших племенам угро-финского происхождения. Таким был город Боршев, находившийся неподалеку от современного села Боршево, расположенного на правом берегу реки Москвы в Раменском районе. Его построили, по мнению специалистов, в XI веке. Такой же городок возник на месте Синьковского городища, что в низовьях реки Яхромы, а также на месте Дьяковского городища в городе Москве. Эти города существовали до ордынского нашествия, после они были заброшены.

В начале XI века славянское укрепленное поселения возникло на правом берегу реки Оки на месте старого городища близ села Подмоклова на территории современного Серпуховского района. Специалисты предполагают, что это мог быть город Лобынск, известный по письменным источникам с 1146 года.

В конце XI века на правом берегу реки Москвы, неподалеку от впадения в нее реки Рузы, на месте существовавшего поселения возник славянский городок Руза, позже получивший название Старая Руза. После ордынского нашествия Руза превратилась в неукрепленное поселение.

В конце X или в первой половине XI века в месте впадения реки Дубны в Волгу на старом поселении местных племен суздальскими князьями был основан город Дубна, известный по письменным источникам с 1216 года.

В XI или в первой половине XII века на территории современного села Алпатьева в Луховицком районе, на правом берегу реки Оки, был построен небольшой городок.

На юге современной Московской области в XI–XII веках славянские города возникали на незанятых землях.

В XI веке на реке Лопасне в современном Ступинском районе был построен город Хатунь.

В том же веке у села Леонова в Серпуховском районе возник город, название которого ученым пока не удается определить.

Тогда же возник городок Романов в верхнем течении реки Осетр в Каширском районе, а также впервые упомянутый в 1147 году городок Тешилов на правом берегу реки Оки в Серпуховском районе.

Возникшие до середины XII века города ставились на высоких мысах. Максимальная длина таких строений достигала 80–100 метров.

После этого города в плане стали строиться в виде круга или овала, что улучшало чисто военные характеристики крепости и давало возможность горожанам вести более активную оборону.

В XII веке на берегу реки Мележи, притоке реки Шерны, неподалеку от современного села Могутова Пушкинского района возник городок Могутовский. В XVI веке Могутовский городок прекратил свое существование, превратился в городище.

На рубеже XII–XIII веков близ современного села Ильинское Истринского района на реке Истре возник городок Ильинский. Приблизительно в XVI веке городок превращается в Ильинский погост.

В середине XII века на берегу реки Мочи, притоке реки Пахры, на территории современного Подольского района возник городок Перемышль, считавшийся одним из самых крупных и хорошо укрепленных городов тех веков в Подмосковье. Площадка Кремля Перемышля достигала 300 метров, валы были высотой 4–5 метров. Согласно мнению историка В. Н. Татищева, город Перемышль основал Юрий Долгорукий как крепость на границе Владимиро-Суздальского княжества.

Чуть ранее 1147 года неподалеку от села Колтова Каширского района, на правом берегу реки Оки, был построен городок Колческ (Колтекс). Вероятнее всего, он был сожжен татаро-монголами, после чего укрепления городка не возводились.

В XII веке на реке Оке, восточнее Каширы, возник городок Баскач. Его остатки находятся неподалеку от села Кропотова Каширского района.

Приблизительно в 1153 году на правом берегу реки Оки, восточнее Каширы, неподалеку от современного села Сосновка Озерского района возник городок Ростиславль. Позже город был центром Рязанской, затем Московской волости. Пришел в запустение в XV–XVI веках.

В XII веке неподалеку от села Еганово Раменского района, на правом берегу реки Москвы, был основан город Боровск. В XVI веке городок превратился в погост.

В том же веке на реке Протве возник городок Вышгород, впервые упомянутый в источниках под 1352 годом.

В XII веке неподалеку от современной станции Фруктовая Луховицкого района на правом берегу реки Оки рязанские князья поставили большой город Перевитеск с валом высотой в 5 метров. Город впервые упоминается в источниках под 1389 годом.

В середине XII века у переправы через реку Шошу в современном Лотошинском районе был поставлен город Микулин, впервые упомянутый в источниках под 1354 годом. Некоторое время город являлся центром удельного Микулинского княжества. Но в начале XVII века он быстро стал терять свое значение и превратился в населенный пункт сельского типа.

...В XII–XIII веках на территории современной Московской области возникали совсем небольшие, круглые в плане города. Мы не будем их перечислять. Но их было много. И все они не дожили до наших дней. Часть из подмосковных городов разрушили татаро-монголы. Другие города потеряли значение из-за политических и экономических изменений, которые постоянно вносило время. Третьи были разрушены польскими и литовскими интервентами в Смутное время. Вполне возможно, что какие-то города были уничтожены эпидемиями чумы, которые периодически вносили заметные коррективы в жизненные процессы Московского пространства и обитателей Подмосковья.

Так или иначе, но никакие беды не могли изменить мощный широкоспектральный «вектор жизни» подмосковичей, которые буквально с каждым десятилетием укрепляли инфраструктуру своей малой родины – Московской земли.

Города, монастыри и знаменитые села, построенные в этот период в Московской земле и по соседству с ней

Владимир – город, центр Владимирской области. Расположен в 190 километрах к северо-востоку от Москвы. Основан в 1108 году как крепость князем Владимиром Всеволодовичем Мономахом.

Волоколамск – город в Московской области, районный центр. Расположен в 130 километрах к северо-западу от Москвы. Согласно преданиям, Волоколамск, или Волок Ламский, основал еще в 1054 году Ярослав Мудрый. Но первое упоминание в Лаврентьевской летописи о городе датируется 1135 годом. Это было время очень важное в истории Руси и в истории Заокской земли.

1135 год. Вроде бы по существующей на сей день традиции и Москвы еще не было, и, как считают некоторые торопливые на выводы люди, и жило-то в Московском пространстве небольшое по количеству и вдобавок очень бедное население. Но это не так! Автор данных строк принадлежит к тем людям, которые считают, что и Москва существовала как минимум в третьей четверти XI века, и земля Московская была не просто богатой, но хорошо возделанной, обихоженной, экономически привлекательной и выгодной для купцов и других деловых людей.

1135 год. Новгородские купцы, согласно Лаврентьевской летописи, основывают Волок Ламский.

1135 год. Началась распря Киевского князя с князьями Черниговскими. Военные проблемы надолго отвлекли князя Суздальского Юрия Долгорукого от хозяйственных дел. Да и многих летописцев, а затем и русских историков, которых обычно волновали глобальные проблемы. Они как-то очень скупно отнеслись к тому, что в 1135 году новгородцы решили построить на своих южных границах город Волок Ламский на торговом пути из новгородских земель в Волго-Окский бассейн. Здесь было место волока судов из реки Ламы, притока Волги, в реку Волошню, приток Рузы, которая несет свои воды в Москву-реку.

Уже поэтому 1135 год вполне можно назвать ключевым в истории московского пространства, а значит, и города Москвы, пусть еще и не признанного формально, то есть не получившего статус города и не упомянутого в летописях, но существующего фактически на Боровицком холме и его окрестностях и притягивающего к себе взоры деловых людей, купцов.

Сначала город был построен на Ламе, позже его перенесли на берег реки Городенка, приток Ламы.

Город быстро разрастался, в нем находилось в XII веке около 80 церквей, в основном деревянных.

В 1159 году именно здесь Андрей Боголюбский, сын Юрия Долгорукого, устроил свадьбу своей дочери, вышедшей замуж за вщижского князя Святослава Владимировича. А через двадцать лет в Волоколамске княжил внук общепризнанного основателя Москвы Ярослав Мстиславович.

В XII–XIV веках городом владела Новгородская республика. В XIV веке московские князья повели за него борьбу и несколько раз владели Волоколамском, «примыслив» себе половину города.

В 1382 году князь Владимир Андреевич Серпуховской (Храбрый) разгромил под Волоколамском большой отряд, посланный сюда Тохтамышем для сбора дани и грабежа. Узнав об этом, коварный хан испугался, как бы двоюродный брат Дмитрия Донского не явился в Москву с крупным войском, и поспешил на юг, в степь, разорив земли Рязанского княжества.

Во времена Василия II Васильевича (Темного) город перешел под юрисдикцию Московского княжества. В 1470 году здесь была построена сохранившаяся по сей день церковь во

имя Воскресения Господня, знаменитый Воскресенский собор. Окончательно в состав Московского государства Волоколамск вошел в 1569 году.

Окрестности города в октябре-ноябре 1607 года заняли войска И. И. Болотникова. Чуть позже польские интервенты разорили местные селения. Но взять осажденный ими в 1613 году город они не смогли.

В годы Великой Отечественной войны немцы оккупировали город, но не надолго. 19 декабря части Красной армии выбили врага из Волоколамска, разоренного, опустошенного.

В окрестностях города много исторических и культурных памятников, но, пожалуй, самый значительный из них – Иосифо-Волоцкий монастырь – находится в двадцати километрах к северо-востоку от города в местечке Теряево.

Вязьма – город в Смоленской области, районный центр. Предполагается, что он существовал уже в IX–X веках.

Михайлов – город, районный центр в Рязанской области. Расположен в 68 километрах к юго-западу от Рязани. Вероятно, основан в 1137 году князем Рюриком Ростиславичем и назван именем его сына Михаила. В 1551 году город был основан вторично после того, как здесь была построена крепость на пути крымских татар в Москву. В 1618 году город выдержал 10-дневную осаду польских войск.

Муром – город, районный центр во Владимирской области. Впервые упомянут в Лаврентьевской летописи под 862 годом. Расположен в 137 километрах юго-восточнее Владимира.

Углич – город в Ярославской области, районный центр. Расположен в 110 километрах к западу от Ярославля. Известен с 937 года.

Новоторжский Борисоглебский мужской монастырь – основан преподобным Ефремом, слугой святого Бориса, в 1015 году сначала в виде небольшой «пустыньки» на берегу реки Тверцы. В 1038 году она уже известна как Борисоглебский монастырь.

Спасо-Преображенский Муромский мужской монастырь – основан ранее 1096 года на высоком левом берегу реки Оки.

Глава 2. Основатели

Юрий Владимирович Долгорукий (90-е годы XI века – 1157 год)

Под Крылом Мономаха

В русской, да и в мировой истории такие сложные личности, каким был основатель Москвы, встречаются нечасто. Ему досталось сложное время, когда Русь, вырвав на крутой и опасный вираж своей судьбы, понеслась по его ухабам и кочкам междоусобицы с такой стремительной скоростью, что только мудрые из мудрейших, оказавшись в подобной ситуации, могли находить принципиально верные решения актуальных и одновременно стратегических задач, жизненно важных для страны в целом и для каждого соотечественника в отдельности. Он, быть может, единственный из русских князей XII века, увидел вектор времени. Он упрямо пытался скорректировать направление движения быстронесущегося Русского государства, учитывая этот вектор.

Его мало кто понимал из современников и потомков. Его называли и называют по сей пору самыми разными словами, пытаясь представить князя Суздальского и великого князя Киевского то гениальным полководцем, то экзальтированным, психопатически несдержанным женолюбом (Татищев), то этаким безалаберным политиком (Н. М. Карамзин)... А, например, Н. И. Костомаров в своей обширной «Русской истории в жизнеописаниях ее главнейших деятелей» вообще проигнорировал одного из главных деятелей XII столетия.

...Юрий Владимирович родился приблизительно в 1090-1091 году. Отцом его был Владимир II Мономах, а матерью – неизвестная, не упоминаемая в русских летописях и иностранных хрониках вторая жена Владимира Мономаха. Всего у знаменитого великого князя киевского было три жены. Первая, Гита, дочь печально известного в истории Альбиона короля Гарольда, погибшего в битве с норманнами Вильгельма I Завоевателя в 1066 году, прибыла в Киевскую Русь приблизительно в 1074-1075 годах из Дании. Датский король Свенд II после трагедии при Гастингсе приютил у себя двор короля Гарольда, сделал все, чтобы изгнанникам жилось у него хорошо. Более того, выступая в роли свата, он организовал свадьбу восемнадцатилетней Гиты с Владимиром Мономахом, в то время княжившим в Переславле.

В 1076 году дочь Гарольда родила сына Мстислава Владимировича, будущего великого князя киевского. После этого в летописях и других источниках Гита не упоминается ни разу, что дает повод считать ее рано умершей.

Несчастливая судьба была у родных короля Гарольда, у тех, кто связал свою судьбу с этим, по всей видимости, чистым человеком, оказавшимся в роли «без вины виноватого». Многие из них погибли в битвах с норманнами, многие владели жалкое существование. Гита слишком рано умерла, но ее судьба явилась одной из опор некоего философского мостика между историей Альбиона и историей Древней Руси, откуда в конце сороковых годов XI века в Норвегию отплыл один из участников великой драмы Альбиона Харальд Хардероде с женой Элисив (дочерью Ярослава Мудрого). Трагедия Британии должна была предостеречь всех русских князей от раздувания огня распри. История Альбиона с V по XI века нашей эры представляла собой почти непрерывную цепочку распрей, разбавляемых нашествиями данов, саксов, англов, викингов, которые, отвоевывая себе пространство на острове, тут же включались во внутреннюю междоусобицу... История Древней Руси с IX по XIII век чем-то напоминала историю

Альбиона с V по XI век, и судьба не зря отослала в сороковых годах Элисив с Харальдом в Норвегию и прислала в восьмидесятых годах из Дании Гиту в жены Владимиру Мономаху. Не зря.

Но мать Мстислава не успела, не смогла передать русским людям, сыну – будущему великому князю киевскому – философской сути своей короткой жизни. Не словами передать – это уж слишком для жены русского князя XII века, – но судьбой своей.

В 1096 году, когда Юрию едва исполнилось шесть лет, Владимир Мономах поставил его на княжение в Ростово-Суздальскую землю. То был стратегически очень точный ход. Ростово-Суздальская земля, завещанная еще Ярославом Мудрым сыну Всеволоду, перешедшая затем к Мономаху, была богатейшей и обширнейшей областью, территория которой огибалась с запада, юга и юго-востока Окой и Волгой и простиралась далеко на север. Во второй половине XI века сюда устремились из Поднепровья, из Новгородской земли русские люди, гонимые злыми ветрами разразившейся распри, а также другими причинами, о которых речь пойдет позже.

Владимир Мономах в своих сочинениях не пишет о том, почему он передал мальчику Юрию столь перспективную землю, но можно предположить, что расчет у князя был прост: Ростово-Суздальская область быстро развивалась, крепла, приобретала все больший вес в Восточной Европе, и сын Юрий делал первые самостоятельные шаги в жизни. Им – Ростово-Суздальской земле и князю – предстоял долгий и трудный путь. И хорошо, что этот путь они начинали вместе. Владимир Мономах устроил торжественный обряд водружения на княжеский престол шестилетнего Юрия и отправил сына в Ростов. С мальчиком уезжал в Заокскую землю и его учитель Георгий Симонович, известный в Киеве человек, потомок «заезжего варяга» Шимона. Еще во времена княжения Ярослава Мудрого тот явился в Киев из Скандинавии, принял крещение по православному обряду, стал Симоном, быстро приобрел популярность и заслуженный авторитет среди сограждан. Человек деловой и щедрый, Симон пожертвовал огромную сумму денег на основание в Киеве Печерского монастыря. Его сын, Георгий, высокообразованный, талантливый, был приближен ко двору, а Владимир Мономах доверил ему воспитание и обучение сына Юрия. Князь сделал удачный и дальновидный ход. Георгий Симонович оказался не только хорошим педагогом, но и верным другом, и помощником, и правителем!

Русские летописи и другие источники не балуют любопытных людей фактами из ранней жизни Юрия Владимировича, сменившего на Ростовском княжеском престоле старшего брата Мстислава. И данный факт вполне оправдан, ведь все великие события конца одиннадцатого и начала двенадцатого веков совершались в других областях Восточной Европы и другими людьми. Самой мощной фигурой тех лет являлся Владимир II Мономах. Политический такт, полководческое дарование, дипломатическое искусство и талант писателя-мыслителя, вся его деятельность и результаты ее на мирном и военном поприщах дают основания называть годы активной жизни этого человека эпохой Мономаха.

В 1100 году он убедил князей начать боевые действия против половцев: не ждать, пока степняки совершат очередной налет на русскую землю, а самим ходить в походы, бить половцев на их территории. В походе 1108 года Владимир возглавлял вместе с великим князем киевским союзное войско. Русские одержали победу и в январе 1108 года заключили с противником выгодный мирный договор. Эта война дала Юрию Владимировичу жену, дочь половецкого хана Аепы. Невеста принадлежала к очень знатному роду. Но, к сожалению, летописцы не упомянули имя этой женщины, которая родила будущему основателю Москвы сына Андрея, названного впоследствии Боголюбским.

В этих походах приняли боевое крещение сыновья Мономаха. В 1113 году шестидесятилетний князь стал великим князем Киевским. Юрий Владимирович участвовал в некоторых важных делах отца, совершил в 1120 году с ростово-суздальской дружиной поход на волжских болгар, активизировавших свои действия на восточных границах владений сына Мономаха,

нанес противнику поражение, захватил богатый обоз, много пленных. И на пять лет его имя исчезло со страниц русских летописей.

19 мая 1125 года «славный победами за Русскую землю и благими нравами» великий князь киевский Владимир Мономах умер в возрасте 73 лет. Пятеро его сыновей, оставшиеся к этому времени в живых, – Мстислав, Ярополк, Вячеслав, Юрий, Андрей, – приехали в Киев, собрались во дворце, у гроба отца. Взрослые люди – старшему, Мстиславу, было сорок девять лет, младшему, Андрею, – двадцать три года; опытные – каждый из них уже участвовал в мирных и военных делах отца; талантливые, болеющие душой за Русь, за соотечественников; очень разные по характеру и по личностным качествам Мономашичи. Усопший князь передал им державу в ответственный период истории. Что мог дать им, кроме власти, великий отец? Он дал им слово свое, «Завещание Мономаха».

«Приближаясь ко гробу, – написал он, – благодарю Всевышнего за умножение дней моих: рука его довела меня до старости мастиной. А вы, дети любезные, и всякий, кто будет читать сие писание, наблюдайте правила, в оном изображенные. Когда же сердце ваше не одобрит их, не осуждайте моего намерения; но скажите только: он говорит несправедливо!..

О, дети мои! Хвалите Бога! Любите также человечество. Не пост, не уединение, не монашество спасет вас, но благодеяния. Не забывайте бедных; кормите их, и мыслите, что всякое достояние есть Божие и поручено вам только на время. Не скрывайте богатства в недрах земли: сие противно христианству. Будьте отцами сирот: судите вдовиц сами; не давайте сильным губить слабых. Не убивайте ни правого, ни виновного: жизнь и душа христианина священна. Не призывайте все имени Бога: утвердив же клятву целованием крестным, не преступайте оной. Братья сказали мне: изгоним Ростиславичей и возьмем их область, или ты нам не союзник! Но я отвечивал: не могу забыть крестного целования... Не оставляйте больных; не страшитесь видеть мертвых: ибо все умрем. Принимайте с любовью благословение духовных; не удаляйтесь от них; творите им добро, да молятся за вас Всевышнему. Не имейте гордости ни в уме, ни в сердце, и думайте: мы тленны; ныне живем, а завтра во гробе. Бойтесь всякой лжи, пьянства и любострастия, равно губительного для тела и души. Читите старых людей как отцов, любите юных как братьев. В хозяйстве сами прилежно за всем смотрите, не полагаясь на отроков и тиунов, да гости не осудят ни дому, ни обеда вашего. На войне будьте деятельны; служите примером для воевод. Не время тогда думать о пириествах и неге. Расставив ночную стражу, отдохните. Человек погибает внезапно: для того не слагайте с себя оружия, где можно встретиться опасность, и рано садитесь на коней. Путешествуя в своих областях, не давайте жителей в обиду княжеским отрокам; а где остановитесь, напоите, накормите хозяина. Всего же более чтите гостя, и знаменитого, и простого, и купца, и посла; если не можете одарить его, то хотя брашном и пищем удовольствуйтесь: ибо гости распускают в чужих землях и добрую, и худую славу об нас. Приветствуйте всякого человека, когда идете мимо. Любите жен своих, но не давайте им власти над собой. Все хорошее, узнав, вы должны помнить: чего не знаете, тому учитесь. Отец мой, сидя дома, говорил пятью языками: за что хвалят нас чужестранцы. Лениость – мать пороков; берегитесь ее. Человек должен всегда заниматься: в пути, на коне, не имея дела, вместо суетных мыслей читайте наизусть молитвы или повторяйте хотя самую краткую, но лучшую: Господи помилуй! Не засыпайте никогда без земного поклона; а когда чувствуете себя нездоровыми, то поклонитесь в землю три раза. Да не застанет вас солнце на ложе! Идите рано в церковь воздать Богу хвалу утреннюю: так делал отец мой; так делали все добрые мужи. Когда озаряло их солнце, они славлиli Господа с радостью и говорили: просвети очи мои, Христе Боже, и дал ми еси свет Твой красный. Потом садились думать с дружиной, или судить народ, или ездили на охоту; а в полдень спали: ибо не только человеку, но и зверям и птицам Бог присудил отдыхать в час полуденный. Так жил и ваш отец. Я сам делал все, что мог бы велеть отроку: на охоте и войне, днем и ночью, в зной летний и холод зимний не знал покоя;

не надеялся на посадников и бирючей; не давал бедных и вдовиц в обиду сильным; сам надзирал церковь и Божественное служение, домашний распорядок, конюшню, охоту, ястребов и соколов... Всех походов моих было 83; а других маловажных не упомяну. Я заключил с половцами 19 мирных договоров, взял в плен более ста лучших их князей и выпустил из неволи, а более двухсот казнил и потопил в реках. Кто путешествовал скорее меня? Выехав рано из Чернигова, я бывал в Киеве и родителя прежде Вечерен...»³

Мономашичи. 1125–1146 годы

Мстислав Владимирович, сын Гиты, с 1088 года княжил в Новгороде, Ростове, Смоленске, в Переславле и в других городах, участвовал в княжеских съездах, в походах на половцев, сыграл выдающуюся роль в организации обороны Новгородской земли от набегов западных соседей, стал великим князем киевским в 1125 году, умер в 1132 году. Летописцы, а затем и некоторые историки именуют его Мстиславом Великим, отдавая тем самым заслуженную дань этому государственному деятелю. Есть и явные недоброжелатели старшего сына Владимира Мономаха, обвиняющие его в том, что он не сумел прекратить разгорающуюся междоусобицу, не справился с половцами, то есть логически не завершил дело отца. Отрицательно оценивая деятельность Мстислава, историки как бы подписывают приговор всем Мономашичам, якобы не справившимся с решением задач, возложенных на них историей. Но справедлив ли приговор? Справедливы ли обвинения, предъявляемые Мстиславу Великому, годы великого княжения которого приходятся как раз на тот период, когда русская распря, если так можно сказать, окончательно вышла из повиновения? Увядавшему Киеву, лишенному мощной подпитки, получаемой от «варяжского пути», во второй четверти XII века уже невозможно было держать в повиновении крупные и мелкие княжества. Созданная Рюриковичами пирамида с вершиной в Киеве стала по объективным причинам рушиться. Мстислав, каким бы он ни был великим, не смог бы остановить процесс разложения, дробления. Он сделал все, чтобы этот процесс проходил с наименьшими потерями для страны в целом и для каждого соотечественника в отдельности. Вот в чем смысл его величия.

С междоусобицей Мстислав боролся теми способами и средствами, которые считал нужными и важными. Чтобы покончить с этим злом, он решил нанести сокрушительный удар по князьям полоцким, потомкам варяжки Рогнеды, являвшимся, по мнению великого князя киевского, первопричиной распри. Они действительно представляли собой постоянную угрозу для мира внутри державы, вели независимую политику, часто не подчинялись высшей власти.

У них была на то веская причина. Известно, что матерью Владимира I Святославича являлась ключница Малуша, а не законная, пусть и взятая силой, жена Рогнеда, потомки которой более ста лет пытались отвоевать силой свое право на великокняжеский престол у потомков Малуши и Владимира I Святославича.

В 1127 году в наказание за то, что князья полоцкие отказались участвовать в очередном походе на половцев, Мстислав повелел удельным князьям Турова, Владимира, Курска, Смоленска, других городов всем разом в условленный день начать военные действия против отступников.

Союзные войска победили полочан. Гнездо Рогнеды было разрушено. Князей полоцких с семьями сослали в Константинополь.

Однако распря не прекратилась. На территории Киевской державы возникали новые очаги междоусобицы: Чернигов, Переяславль, Новгород, всегда довлевший к самостоятельно-

³ Карамзин Н. М. История государства Российского. Т. II. Гл. VII. Стр. 89.

сти... Волишебным страшным зверем набросилась распря на русскую землю: Мстислав отрубил ей одну голову, вместо нее выросли несколько новых.

В контексте темы о судьбе основателя Москвы Юрия Владимировича данный эпизод русской истории важен тем, что князь Суздальский в нем активного участия не принимал! Но почему? Причин тому было несколько.

Все годы правления старшего брата Юрий сидел в Ростово-Суздальской земле, занимался ее проблемами. Сведений об этом периоде жизни князя дошло до наших дней немного, но с полной уверенностью можно сказать, что сын Мономаха в данный период активно и успешно занимался хозяйственной деятельностью, помогая прибывавшим из горячих точек страны согражданам обживать на новой малой родине, осваивать богатую землю Ополья. Позитивные результаты деятельности Юрия Владимировича в Ростово-Суздальской земле в 20-30-е годы будут заметны всем чуть позже, во второй половине двенадцатого столетия, когда в Заокской области станут возникать один за другим города, когда центр политической жизни страны начнет перемещаться с Поднепровья на восток.

После смерти Мстислава 15 апреля 1132 года великокняжеский престол занял по старшинству следующий сын Владимира Мономаха, Ярополк, и с этого же года в активную политическую жизнь Киевской Руси включился князь Суздальский. 17 апреля, в воскресный день, состоялась торжественная церемония вступления Ярополка на великокняжеский престол. Искренно радуясь за брата, Юрий Владимирович после празднеств не уехал в Ростово-Суздальскую землю, где ждали его важные дела и проблемы. Столь странное поведение объяснялось тем, что в Киеве с вокняжением Ярополка дела для Мономашичей резко ухудшились в связи с обострением противоречий между ними и удельными князьями, а также между самими удельными князьями.

Причиной очередного раздора стала Переяславская земля, богатая, обширная область на юге Киевской Руси. Черниговские и другие удельные князья попытались разорвать на куски, растащить по своим уделам богатую землю. Ярополк повел себя в этом деле странно, будто бы забыл, что ему нужно заботиться об укреплении центральной власти, а не потакать амбициям удельных князей. Юрий Владимирович, предчувствуя беду, ушел из Киева в Остерский Городец, зорко наблюдая за ситуацией. По соглашению с Ярополком в Переяславль ворвался Всеволод Мстиславич, что явилось сигналом для других удельных князей. Они быстро снарядили дружины. Но князь суздальский их опередил. «Всеволод утром сел в Переяславле, а до обеда его выгнал Юрий». Это был поистине прыжок барса. Изгнав из города племянника, Юрий вернул Переяславль центральной власти и через восемь дней уехал в Городец.

На этом дело вокруг Переяславля не закончилось. Еще несколько раз внуки Мономаха посягали на город. Юрий Владимирович успокоился лишь тогда, когда княжество Переяславское досталось брату Вячеславу. Свято исполняя отцовский наказ, он горой стоял за дело Мономашичей. Но те не всегда отвечали ему тем же. Вячеслав, человек со странностями, с причудами, правитель вялый, посредственный, часто грубо говорил будущему основателю Москвы: «Я был бородач, когда ты только родился».

В этой неуместной реплике не было нечаянности стариков в минуты отчаяния, когда у них уже не хватает (даже у самых терпеливых) иных слов, чтобы вразумить молодых. В этой реплике сквозила спесь избалованного человека, человека недоброго и бестолкового.

Распря разгоралась с каждым днем. Юрий Владимирович принимал в ней участие на стороне Ярополка. Черниговский князь Всеволод Ольгович вместе с князьями Изяславом и Святославом Мстиславичами ранней весной 1134 года чуть было не захватили Киев. Неожиданно напали они на пригороды, опустошили их. «Одних людей уводили, других убивали, – сказано в летописи. – Люди не могли перебраться через Днепр и переправить скот». Князья подошли со своими дружинами к Киеву, три дня простояли у города и вдруг, словно напуганные птицы, отступили и побежали на север в Черниговскую землю.

Кто же вспугнул налетчиков? Вероятнее всего, это сделал Юрий Владимирович, с которым они совсем недавно бились на Ждановой горе.

Нежданная битва на Ждановой горе

Случилось это год назад. В Новгороде правил Всеволод. Летом он ходил на запад, одержал победы над племенами чудь, взял Юрьев (Дерпт). По возвращении из успешного похода к нему явился Изяслав Мстиславич. За несколько месяцев до этого визита он уступил не без участия Юрия Владимировича город Переяславль дяде Вячеславу, получив в обмен Туров и Пинск. Вскоре Вячеслав отнял у него Туров, а князь суздальский – Переяславль. Остался Изяслав без двух городов. Очень он обиделся на дядей, рассказал об этом Всеволоду. Тот успокоил его: «Я, брат, завоюю для тебя Суздальскую землю».

Их поддержало новгородское вече, но поход на юг оказался неудачным. Всеволод дошел до Дубны, там встретила его большая рать противника. Форсировать реку с боем новгородцы не решились и повернули назад.

Подъезжая к Новгороду, князь почувствовал неладное. Ему доложили, что горожане взволновались, сменили несколько посадников, сбросили с моста одного из них, обвинив несчастно во всех своих бедах, главной из которых был неурожай. Несколько раз за последние годы Новгородская земля не давала урожая. Голодали люди. Бунтовали. Посылая дружину Всеволода в поход на юг, горожане надеялись на богатую добычу. А тут – ни победы, ни добычи. Одни растраты.

Дружину Всеволода новгородцы встретили, не скрывая злости. Народ собрался на вече, призывая князя не распускать воинов, а идти вновь в поход. Стояли последние дни декабря. Студеное время. Время праздников. Только не до праздников было новгородцам. Неурожай подняли цены на продукты. Этим воспользовались соседи. Купцы из других областей считали так: новгородцы богатые и очень жизнелюбивые, они купят хлеб за любую цену. Новгородцы действительно платили большие деньги за продукты, пока цены не подскочили так высоко, что даже знатным и богатым накладно стало ходить на рынок.

Неурожай. Голод. Отчаяние. Только голодный люд готов отправляться в поход в студеное декабрьское время. Лишь бы выжить. Летописцы, правда, пишут о том, что новгородцы считали второй поход делом чести, но ведь за честь можно и в иное время года повоевать. У нее саней нет, она по морозцу не укатит на веки вечные в тридевятое царство.

– Собирай дружину в поход! – кричали злые новгородцы. – Не страшен нам мороз лютый. Мы возьмем Суздаль.

Отговаривали их князь и митрополит киевский Михаил, не отговорили. Очень кушать хотелось новгородцам. Надоели им разговоры, арестовали они митрополита, встали в строй, и повел их князь 31 декабря 1133 года в Суздаль.

Вьюга гудела на разные голоса, ветер трепал одежды воинов, метался в жестких гривах лошадей, мороз осыпал людей белым инеем, сугробы мешали идти, но люди шли на юг, петляя по кривым линиям рек. Двадцать шесть дней продирались новгородцы на юг. Вышли к Ждановой горе. Увидели на ней огромное войско противника. Большая белая гора. На ней белые люди. Тоже русские и тоже – белые. Только – сытые.

Вскарабкались голодные новгородцы наверх, начался бой. И Жданова гора быстро покраснела. Бой был равным. В какой-то момент Всеволод дрогнул, оставил своих голодных людей драться с сытыми суздальскими воинами и бежал позорно с поля боя.

Сражение продолжалось еще несколько часов. До тех пор, пока все, в том числе и Юрий Долгорукий, поняли, что битву сегодня выиграть никому не удастся. И страсти на Ждановой горе быстро угасли. И тут же посыпал крупный снег, будто специально, чтобы скрыть следы людского буйства.

Быстро подсчитали убитых. Новгородцы потеряли чуть больше людей. Продолжать войну всем расхотелось. Даже очень голодным. Противоборствующие стороны заключили мир.

Северяне отправились домой, затаив обиду на своего князя. Юрий Владимирович уже тогда мог почувствовать, что борьба с Новгородом обретает для него, князя Суздальского, новое качество. А беззавиший со Ждановой горы Всеволод мог в этой битве по достоинству оценить полководческое дарование своего противника.

И нет ничего удивительного в том, что он сбежал из-под Киева именно из-за опасения еще раз встретиться на поле боя с войском Юрия Долгорукова.

Борьба продолжается

Так или иначе, но борьбу он не прекратил. Не распустив свое войско, чувствуя за собой силу, Всеволод вскоре прислал в Киев гонца с ультиматумом:

– То, чем отцы наши владели при ваших отцах, должно быть нашим. Если не дадите, то пожалеете. Ваша будет вина. Кровь падет на вас.

В этот сложный момент Мономашичи продемонстрировали завидное единство. Узнав о дерзком требовании Всеволода Ольговича, Юрий Владимирович поднял войско и с быстротой, которой позавидовали бы Александр Македонский и Юлий Цезарь, преодолел значительное расстояние от Городца до Киева, встал лагерем возле города. Через некоторое время второй Мономашич, Андрей, подоспел на помощь братьям, а за ним под стены Киева явилась дружина Вячеслава, который в тот год княжил в Турове. Защитники окружили город плотным кольцом, приготовились к боевым действиям.

Всеволода напугали мощь и единство Мономашичей. Двадцать дней его войско просто-яло у стен города, не решаясь вступить в сражение с сильным соперником. Ольгович надеялся на разлад в стане противника, но случилось обратное: войско Всеволода покинули половцы, а затем начались споры между князьями. Мономашичи имели возможность разгромить врага, но не сделали этого, спокойно дожидаясь активных действий со стороны Ольговича. Двадцать дней стояли друг против друга две рати. Наконец черниговский князь понял, что у него нет ни единого шанса выиграть войну, и послал в Киев людей с повинной. Ярополк довольствовался этим. Князья заключили между собой мир.

Княжество Переяславское осталось в подчинении у великокняжеской власти, в Переяславль был поставлен младший Мономашич Андрей, а Юрий возвратился в Ростово-Суздальскую землю.

Распря и Заокская земля

Прежде чем перейти к рассказу о дальнейшей судьбе Юрия Владимировича, прозванного Долгоруким за активную политику на далеком от Ростова юге, необходимо напомнить об одном упреке, который предъявляют этому деятелю Древней Руси некоторые ученые. Они обвиняют князя Суздальского в неоднократных попытках захватить Переяславскую землю, присоединить ее к своим северным владениям. Даже если Юрий Долгорукий мечтал об этом, стремился объединить два важных во многих отношениях региона, упрекать его в том несправедливо и смешно. Смешно хотя бы потому, что о подобных приобретениях думали все князья. А несправедливо потому, что не в этом состояла суть деяний Юрия Долгорукова.

Начиная с 1132 года вся его жизнь представляла собой чисто внешне суматошный перескок с одной горячей точки Киевской Руси в другую. Он метался в сложнейшем многоугольнике с вершинами в Ростове и Суздале, в Новгороде и Чернигове, Киеве и Переславле, он боролся против Ольговичей и Мстиславичей, ругался иной раз с Мономашичами, пытался проводить в

жизнь новую для Киевской державы доктрину государственной власти (в Ростово-Суздальском княжестве эта идея, хотя и с трудом, проводилась в жизнь, в других областях она встречала ожесточенное сопротивление), он пытался обогнать время.

Юрий Долгорукий первым на Руси решился создать централизованное государство, но, как и все Рюриковичи за редким исключением, он был слишком гуманным человеком, чтобы добраться до цели, к которой, надо помнить, в те же самые десятилетия первой половины XII века устремились ближайшие предки Чингисхана, обитавшие в долинах Забайкальских рек Орхон, Онон и Керулен. Им тоже не удалось обогнать время. Оно пришло, оно родило Тэмуджина. Он помчался к заветной цели, изыскивая иные, чем Рюриковичи, средства для ускорения движения. Он мчался быстро, не обращая внимания на кости и трупы родных, друзей, сограждан, соплеменников.

Тэмуджин родился в 1155 году. Через год на Боровицком холме, в среднем течении Москвы-реки (тогда еще реки Смородиновой) появятся первые крепостные стены...

Путь к Боровицкому холму

Возвращаясь в 1134 году в Суздальскую землю, Юрий Владимирович мог продвигаться теми путями, по которым уже несколько десятков лет шли с запада на восток люди, гонимые с родных мест разными причинами:

1. Снижением экономической эффективности знаменитого пути «из варяг в греки» и, как следствие этого, относительным упадком хозяйственной активности густо заселенных районов, расположенных в непосредственной близости от Днепра;

2. Непрерывающейся распрей, опустошительными походами русских князей и столь же опустошительными налетами степняков: и те, и другие выбирали для своих разборок и налетов местности побогаче;

3. Желанием людей мирных жить без страха за свое будущее, за будущее своих детей.

Перемещению людей не мешали древние обычаи, существовавшие в Восточной Европе задолго до прихода варягов.

«Первоначальная история России определяется двумя важными фактами, неизвестными Западной Европе: понятием о единстве территории и бродячим состоянием народонаселения. Государственная территория, очерченная оружием первых Рюриковичей, считалась наследием всего княжеского рода и всех русских людей. Народонаселение не знало тех замкнутых узких сфер, в которых проходила жизнь западно-европейского земледельца или горожанина. Вольно ходил и переходил он по общему отечеству. Он не рисковал, выходя из своего города или волости, наткнуться на чуждую область, на враждебное государство. Везде была одна и та же Русская земля, раскинувшаяся на необъятное пространство, отдельные части не составляли самостоятельных политических тел ни в глазах князей, ни в глазах служилых людей и крестьян. Князья смотрели на свою волость как на временное владение, в котором они сидели до первой перемены в Киевском княжении...»⁴

Рост количества городов, о котором говорилось выше, был бы невозможен или крайне затруднен, если бы таких обычаев не существовало, а распря, вспыхнувшая в 1077 году между внуками Ярослава Мудрого, кроме того, увеличивала число людей, покидающих родные места. Странная обратная связь действовала на территории Киевской державы: чем больше людей покидало богатые, обжитые в IX–XI веках земли и уходило в края неизведанные, обустроивалось там – тем все резче проявлялся антагонизм между княжествами старыми и новыми, тем больше мирных людей покидало обжитые районы...

⁴ Градовский А. Д. История местного самоуправления в России. Т. I. СПб., 1868. С. 1.; Ист. 2, стр. 1

Таких людей в Восточной Европе называли бродниками. Это слово имеет несколько разных значений. Князь Кий мог быть бродником, человеком, жившим у брода, а то и владеющим бродом, переправой. Бродниками называли тех, кто уходил в степи, соблазняясь прелестями вольной жизни, быстро дичал там, как дичают быстро кони без людей, нанимался в различные дружины, ходил на печенегов, а затем – на половцев и, в составе отрядов степняков, – на Русскую землю. Не об этих бродниках пойдет речь, а о тех, кто ходил-бродил по Руси в поисках спокойной жизни, невоенной.

Эти бродники сворачивали с Днепра и уходили с нахоженных дружинниками дорог на невеликие реки, неширокие дороги, искали и находили укромные уголки, окруженные лесными дебрями и болотами, озерами и холмами, обжигались здесь, ни с кем не воюя, никому не мешая, а лишь работая изо дня в день.

Именно такие бродники добирались до Оки-реки с запада через Угру. Некоторые оседали на берегах быстрой Оки, где в среднем и верхнем течении жили вятичи (славянские племена), а другие, самые уж миролюбные, сворачивали на Москву-реку – совсем уж невеликую, небурную, которую вполне можно назвать Окской заводью, и не только Окской, но и заводью бурного потока истории, по которому мчалась на быстрых скоростях Восточная Европа. Войны, битвы, предательства, обиды, пожары, кровь врагов и родных, похотливое карканье воронья на полях сражений – год за годом, там, вне территории, прилегающей к долине Москвы-реки. А здесь – жизнь спокойная у спокойной реки, не круто петляющей меж покатыми, холмов, густо поросших, как и вся местность кругом, сосновыми борами, перемежась с широколиственными лесами, с березовыми рощами, прозрачными как апрельская вода; здесь – тишина благостная, озвученная лишь мелодиями почти нетронутой людьми природы.

По реке Москве, ничем не выдающейся, поднимались люди на стругах, появившихся в Восточной Европе в XI веке, или на ладьях, доходили до места впадения в нее Пахры, или дальше вверх по течению, и вдруг в какой-то момент начинали люди удивляться: что случилось с рекой, почему запетляла она туда-сюда нервно, будто что-то очень важное потеряла здесь давным-давно и найти никак не может? Какой такой драгоценный клад ищет река, круто извиваясь, рассылая по сторонам на разные расстояния бесчисленных своих сестер, раздваиваясь то тут, то там, образуя невысокие шапки островов, разбрасывая широкие рукава, приближаясь вплотную к крутым склонам, словно бы заглядывая вовнутрь холмов и не боясь при этом получить за назойливое любопытство удар отвалившейся глыбы земли? Видно, очень дорогой клад затерялся в этих краях, если река так взволновалась, если так упорно ищет она, мечется по окрестностям, ни с чем не считаясь, даже со временем не считаясь!

Люди доплывали до Боровицкого холма (бор тут сосновый стоял, густой, тысячетлетний), останавливались. Дальше, за холмом, начинались пороги, не такие страшные, как на Днепре, но... зачем река Москва свое дно острыми камнями забросала да искромсала тяжелую гладь реки бурунами? Может быть, река чудная подсказывала людям: не плывите дальше, здесь клад великий, град Москву ищите? Взойдите, люди, на холм, оглянитесь, присмотрите место по душе, здесь всякой доброй душе приют и отдохновение найдется, только искать не ленитесь и трудиться.

И люди принимали приглашение гостеприимной хозяйки, обжигались в этих краях себе и потомкам на радость, достигли к 1134 году значительных успехов в экономическом освоении края.

Московское пространство

Московское пространство, территория, ограниченная современной Московской областью, уже в XI веке могло прокормить, обуть-одеть, защитить и душевно порадовать не один десяток тысяч человек, упорных и трудолюбивых.

Земля московская – богатая, но для получения этого богатства нужен немалый первоначальный капитал, время и труд. Громадных средств у бродников быть не могло, и у местных вятичей – тоже. У них были руки, жадное желание мирно жить и время, любезно предоставленное им историей: из летописей ясно, что все великие события одиннадцатого, да и двенадцатого веков совершались совсем в других точках Восточной Европы. Московское пространство долгое время развивалось в себе.

Но это не значит, что местные обитатели несколько веков катались как сыр в масле! Жизнь в ближних и дальних окрестностях Боровицкого холма в XI веке вполне можно сравнить с жизнью загадочных аккадских племен, которые, спасаясь от преследователей, современной истории неизвестных, осели на рубеже IV–III тысячелетий до н. э. в болотистой местности в долинах Тигра и Евфрата, превратили непригодный для жизни край в один из великолепнейших садов мировой цивилизации. Аналогичный подвиг в XVIII веке нашей эры совершили запорожские казаки, которых правительство отправило в степи между Черным и Каспийским морями – умирать, потому что выжить в болотистой местности казаки с семьями, с малыми детьми просто не могли. Но они выжили. И превратили безжизненный край в цветущую страну, в житницу России. Подобных подвигов в истории человечества не так много. И, говоря о Москве и москвичах, знатных и обыкновенных, безразлично, о делах и деяниях повелителей великого града, нельзя забывать о том, что корень всего московского, истоки всего московского находятся в одиннадцатом веке, когда началось массовое, непрекращающееся во времени освоение московской земли, требующей самого внимательного подхода к себе, терпения, постоянной заботы.

Земля московская самодостаточная и самоценная. В конце двадцатого века эта мысль никого не удивит, но еще в XVI – XVII веках иностранные путешественники и гости страны Московии удивлялись обилию непроходимых дебрей, заболоченных лесных массивов, окружавших стольный град и его окрестности. А любой нерадивый подмосковный дачник рубежа II–III тысячелетий нашей эры, оставивший без присмотра свой участок на два-три года, может убедиться в удивительной способности московской земли наказывать любого и всех за пренебрежительное отношение к себе: московские дебри поднимаются моментально и быстро идут в рост...

Человеческий подвиг, который совершили в одиннадцатом веке бродники вместе с племенами вятичей, велик еще и тем, что в долину реки Москвы съезжались люди, хоть и русские, но самые разные. Совсем не просто им было найти общий язык между собой. Но они находили.

Князь Суздальский, победитель в битве на Ждановой горе, возвращаясь в 1134 году в Заокскую землю, прекрасно понимал, в чем состояла главная цель того похода новгородцев. Конечно же, ходили они и за славой, и за добычей, но стратегической целью той войны, одной из важной составляющей политики новгородских князей в тридцатые годы двенадцатого столетия являлась даже не Суздальская земля, но земля, прилегающая к долине Москвы-реки.

В этом Юрий Владимирович лишний раз убедился в следующем, 1135 году, когда началась распря Киевского князя с князьями Черниговскими. Военные проблемы надолго отвлекли князя Суздальского от хозяйственных дел. Да и многих летописцев, а затем и русских историков, которых обычно волновали глобальные проблемы. Они как-то очень скупо отнеслись к тому, что в 1135 году новгородцы решили построить на своих южных границах город Волок Ламский на торговом пути из новгородских земель в Волго-Окский бассейн. Здесь было место

волока судов из реки Ламы, притока Волги, в реку Волошню, приток Рузы, которая несет свои воды в Москву-реку.

Почему же сильные новгородцы, всегда ранее использовавшие для торговых нужд могучие реки Днепр и Волгу, обратили теперь внимание на тихую Москву-реку? Об одной причине уже было сказано: к этому времени «Днепровская дорога» потеряла свое экономическое значение. Но была и другая причина, важная в контексте разговора о Москве: к началу XII века обитатели долины Москвы-реки экономически так окрепли, что могли представлять собой выгодного партнера. И первыми это почувствовали новгородцы.

За семь лет до основания Волока Ламского в Новгороде разразился страшный голод. «От жестокого, совсем необыкновенного холода вымерзли озими, – написано Н. М. Карамзиными в *Истории государства Российского*, – глубокий снег лежал до 30 апреля, вода затопила нивы, селения, и земледельцы весною увидели на полях вместо зелени одну грязь. Правительство не имело запасов, и цена хлеба так возвысилась, что осьмина ржи в 1128 году стоила нынешними серебряными деньгами около рубля сорока копеек. Народ питался мякиною, лошадинам мясом, липовым листом, березовой корою, мхом, древесной гнилью. Изнуренные голодом люди скитались как привидения; падали мертвые на дорогах, улицах, площадях. Новгород казался обширным кладбищем; трупы заражали воздух смрадом тления, и наемники не успевали вывозить их. Отцы и матери отдавали детей иноземным купцам в рабство, и многие граждане искали пропитания в странах отдаленных»⁵.

Неизвестно, с чьей помощью пережили новгородцы тот страшный голод, известно другое – пережили, а уже через год они вели бурную военную деятельность, успешно торговали с Готландом и Данией. Еще через четыре года, то есть в 1134 году, они проиграли битву на Ждановой горе, а через несколько месяцев посчитали необходимым основать новый город Волок Ламский, связавший их с московской землей. А купцы, как известно, вкладывают деньги только в надежные проекты, проверенные.

Юрий Долгорукий, вынужденный участвовать в распри и отстаивать дело Мономашичей, не мог не обратить внимания на этот ход Новгорода, жители которого основанием Волока Ламского, во-первых, «прорубили окно» в московское пространство, во-вторых, сделали очередной шаг на юг. Само по себе это действие было полезным для экономического развития территории ограниченной современной Московской областью. Но надо помнить, что новгородцы всегда довели к республиканскому способу правления, а в 1136 году они на вече объявили город республикой. Эта неизживная тяга северного соседа к самостоятельности Юрию Владимировичу понравиться не могла.

Четыре по своему интересные и в определенные моменты истории полезные для какой-либо конкретной страны идеи государственного правления противостояли друг другу. Идея вечевой республики новгородцев уходит корнями в те времена, о которых писал еще Прокопий из Кесарии, упоминая в своем сочинении «Война с готами» племена славян и антов, обитавших в Восточной Европе «издревле». Идея первых Рюриковичей, создавших, если так можно сказать, аристократическое государство, в котором роль аристократов играли варяжские князья, близко не подпускавшие к вершинам власти нерюриковичей. Подобные государства до и после Рюриковичей не раз возникали на земном шаре. Достаточно вспомнить державу инков в Южной Америке, чтобы убедиться в этом. Идея удельных княжеств тоже не нова в истории планеты. Города-полисы Междуречья, Балканского полуострова, Апеннинского полуострова и так далее – яркое тому подтверждение. Идея централизованного государства известна людям как минимум со времен фараона Джосера и Саргона I Аккадского. Трудно сказать, что бы случилось в Восточной Европе, если бы уже в первой половине XII века Киевская Русь выбрала себе один из этих способов, но совершенно ясно, что наличие сразу четырех

⁵ Карамзин Н. М. История государства Российского. Тт. I–IV. Калуга.: Золотая аллея, 1995. С. 211–212.

систем, активно противостоящих друг с другом, вносило лишнюю нервозность, увеличивало напряжение между князьями, родами, землями.

В 1136 году в Новгороде вспыхнул мятеж. Народ не простил Всеволоду Мстиславичу позорного бегства со Ждановой горы, буйствовал два года, сменил двух князей на вече и в конце концов призвал в Новгород Ростислава, сына Юрия Владимировича, что можно считать важной дипломатической победой князя Суздальского.

Еще не остыли страсти в Новгороде, как Ольговичи объявили войну Мономашичам. Они имели на это право! Старший Ольгович, Всеволод, был не моложе великого князя киевского, а значит, он мог занять великокняжеский престол! Ярополк, собрав огромную армию, поддержанный практически всеми русскими князьями, а также венграми, берендиями, подошел к Чернигову. Всеволод вынужден был просить у Мономашича пощады. Ярополк исполнил просьбу, но Ольговичи ответили на это злом. Они не смирились с поражением, затихли, дожидаясь удобного момента.

18 февраля 1139 года Ярополк умер.

Через четыре дня из Переславля в Киев прибыл Вячеслав Владимирович. Его, как государя, встретил окруженный народом митрополит. Но государем Мономашич не стал. Всеволод Ольгович, старший из рода Рюриковичей, с небольшой дружиной подошел к столице, разрешил воинам грабить и жечь окрестности, послал в город гонца с жестким требованием отдать ему власть. Как мог ответить ему Вячеслав? Только как Рюрикович, как потомок Мономаха.

Он послал к Всеволоду митрополита, и тот передал его слова нарушителю спокойствия: «Я не хищник; но ежели условия наших отцов не кажутся тебе законом священным, то будь государем киевским: иду в Туров»⁶. В других произведениях речь митрополита передается по-иному: «Я, брат, пришел в Киев на место братьев своих, Мстислава и Ярополка, по завещанию отцов наших. Ежели ты, брат, пожелал стола этого и оставил свою вотчину, то я – меньше тебя и пойду в прежнюю свою волость, а Киев тебе».

Всеволод Черниговский, уже пожилой, лысый, толстый, велебородый, большеглазый, с длинным носом и мясистыми руками (такой портрет дает ему В. Н. Татищев) въехал на белом коне в столицу, приблизился к духовенству, сошел с коня и целовал крест. Мономашичи надолго потеряли великокняжеский престол.

Древний обычай

После вокняжения Всеволода Ольговича на Киевском столе дела на юге Руси ухудшились. Началась жестокая борьба князей за богатые области. Центральная власть с каждым годом теряла силу и авторитет. Удельные князья усиливались, выходили из повиновения, доказывали с оружием в руках свое преимущество. Ближайшие соседи, окружавшие Киевскую Русь крутым полумесяцем от Польши на западе до половецких степей на юге и волжских болгар – на западе, всегда рады были помочь в беде какому-либо князю. Все равно кому. Лишь бы получить деньги. Все чаще нападали на русские земли западные и северо-западные соседи: литовцы, шведы.

Мономашичи уступили верховную власть по закону, по обычаям предков. Нарушить их Юрий Владимирович не мог, хотя в течение 300 лет этот обычай несколько раз нарушался, в том числе и Владимиром Мономахом. «По смерти Святополка-Михаила, – пишет Н. М. Карамзин, – граждане киевские, определив в торжественном совете, что достойнейший из князей российских должен быть великим князем, отправили послов к Мономаху и звали его властвовать в столице. Добродушный Владимир давно уже забыл несправедливость и вражду

⁶ Ист. 5. Стр. 219.

Святополкову: искренно оплакивал его кончину и в сердечной горести отказался от предложенной ему чести. Вероятно, что он боялся оскорбить Святославичей, которые, будучи детьми старшего Ярославов сына, по тогдашнему обыкновению должны были наследовать престол великокняжеский»⁷.

Это Владимир-то Мономах «боялся»? Человек, которого на Руси уважали простолюдины и князья!

Его отказом и временным безвластием воспользовались смутьяны, в городе начались грабежи и погромы. Горожане вновь явились к Мономаху, сказали: «Спаси нас от неистовства черни, от грабителей!..». Владимир, двадцать лет не рисквавший брать власть, нарушая обычай предков, на этот раз смирился со своей долей, приехал в Киев. «Народ изъявил необычайную радость, и мятежники устремились, видя князя великодушного на главном российском престоле!» Какая добрая идиллия! Какой счастливой концовкой завершилась та пьеска из истории Руси, датируемая 1113 годом, когда Киев был еще очень силен. Еще не чувствовалось смрадное дыхание начавшегося изнутри разложения государства, еще люди могли думать государственно. В конце тридцатых годов того же столетия положение изменилось в худшую сторону. Центробежные тенденции, войны с половцами, резкое ослабление центральной власти, смятение в душах киевлян и жителей других городов и областей Поднепровья, объятых распрей, – все это порождало хаос как на личностном, так и на государственном уровнях.

В сложившейся ситуации всеобщего эгоизма, медленно разлагающего Русь, старый обычай передачи власти лишь усугублял прогрессирующую болезнь. Время древних законов ушло. Это понимал Юрий Владимирович и другие князья. Но удивляет другое: с каким упорством Рюриковичи держались за древние законы.

Видимо, эта вера Рюриковичей в справедливость и вечную пользу старых законов пугала Юрия Владимировича, который не рискнул открыто бросить вызов Всеволоду, перестал активно вмешиваться в дела на юге Руси, занялся проблемами Суздальской земли, не забывая, однако, о главном своем противнике. Относительную пассивность Долгорукого во внутренней политике можно объяснить иначе, не только его страхом, но и его слабостью.

Всеволод Ольгович был противником серьезным. Ему удавалось гасить очаги распри, договариваться с иноземными повелителями, копить силу. В 1140 году Всеволод стал готовить поход на Суздальскую землю.

Юрий Владимирович прибыл в Смоленск, где правил в то время Ростислав Мстиславич, заключил с ним союз в борьбе против Всеволода. Новгородцы отказались воевать, как их ни уговаривал сын Юрия, Ростислав, которому пришлось покинуть город, вернуться к отцу... За это князь Суздальский отнял у новгородцев Торжок, являвшийся для северян своего рода торговыми воротами. Новгородцы по привычке устроили бунт, который закончился избранием во второй раз Юрия Владимировича в князья. Но он вновь дипломатично отказался и отправил к республиканцам сына. В ответ на это Всеволод занял наследственный удел Юрия Остерский Городец. А вскоре и новгородцы преподнесли очередной сюрприз: узнав, что великий князь послал к ним Святополка, они посадили сына Юрия в епископский дом под домашний арест.

Крупная война между Всеволодом Ольговичем и князем Суздальским все же не разразилась. 1 августа 1146 года великий князь Киевский скончался.

Н. М. Карамзин дает ему такую характеристику: «... умный и хитрый, памятный отчасти разбоями междоусобия, отчасти государственными благодеяниями! Достигнув престола Киевского, он хотел устройства и тишины; исполнял данное слово, любил справедливость и повелевал с твердостью; одним словом, был лучшим из князей Олегова мятежного рода»⁸.

⁷ Карамзин Н. М. История государства Российского. Тт. I–IV. Калуга.: Золотая аллея, 1995. С. 200.

⁸ Ист.5, стр. 224.

После смерти Всеволода великим князем Киевским несколько месяцев был его брат Игорь Ольгович, а затем на великокняжеский престол воссел, узурпировав власть, Изяслав, «благословенная отрасль доброго корня», сын Мстислава Великого. Он «мог бы обещать себе и подданным дни счастливые, – пишет Н. М. Карамзин, – ибо народ любил его; но история сего времени не представляет нам ничего, кроме злодейств междоусобия. Храбрые умирали за князей, а не за отечество, которое оплакивало их победы, вредные для его могущества и гражданского образования»⁹.

Время правления Изяслава Мстиславича – это время жестокого противостояния двух крупных государственных деятелей, великого князя Киевского и князя Суздальского. В этом противоборстве не только проявились в полной мере не личностные качества вождей, но обозначилась будущая трагедия столицы огромной и совсем недавно сильной державы. Русские люди дрались за власть в Киеве, за обладание этим великолепным, сильно раздутым варяжским ветром городом, грабили столицу после удачных штурмов, радовались наворованному, стремились при неудачах возобновить военные действия.

Но – вот в чем состоял парадокс и смысл надвигавшейся трагедии! – Киев и все его мертвые (а мягче говоря, остаточные) богатства если и нужны были таким людям, как Юрий Долгорукий, то только в качестве раритетной игрушки, которой можно было при случае похвалиться внукам: «А я Киев брал, а эта золотая побрякушка – из Киева!». Да-да, только так, грубо, неллицеприятно можно охарактеризовать то время для города, который по красоте и величию являлся в Европе третьим после Константинополя и Кордовы. Город – большая шкатулка немодных, но драгоценных безделушек.

Боровицкий холм

Весна. Март. Первые дни 1147 года (в те времена год на Руси начинался 1 марта). Юрий Долгорукий узнал, что князь Рязанский напал на суздальские земли, оставил город Козельск и отправился в свои владения. В это время дела у Святослава, союзника Юрия Владимировича, были совсем плохи. Изяслав Мстиславич, подоспев на помощь черниговцам, осаждавшим родной город Святослава Путивль, вынудил защитников сдаться, открыть ворота крепости. Победители разграбили богатое имение Святослава, не пощадили даже церковь Святого Вознесения, изъяли утварь, бесценные фолианты, взяли в плен семьсот рабов. Хорошая добыча.

Ободренная успехом рать великого князя направилась к Новгороду, где находился Святослав, надеявшийся на помощь Юрия Владимировича. Князь Суздальский, однако, больше думал о своих владениях. К Святославу он послал сына Ивана. Тот заверил опечаленного хозяина Новгорода в дружеских намерениях отца и сражался в войске Святослава храбро, не щадя себя.

Доброе известие от сильного союзника благоприятно подействовало на душевное состояние новгородского князя. Не желая сдаваться, он бежал с дружиной из Новгорода в «лесную землю Карачевскую» (современная Брянская область). Князь Киевский послал за ним вдогонку отряд в 3000 конников. Расстояние между беглецами и преследователями быстро сокращалось. «Дружеские намерения» Юрия Владимировича уже не помогали воевать. У Святослава осталось два выхода: либо драться, либо покориться врагу. Князь Новгородский бросил дружину, подкрепленную отрядом половцев, в бой и в отчаянной схватке разгромил врага.

Вскоре и Юрий Владимирович одержал победу над рязанцами, отогнал их на юг, после чего захватил Торжок. Святослав ворвался в Смоленскую область, разорил слабо укрепленные города в долине реки Протвы – в Голядской земле. А тут и весна подоспела, а с ней наступила передышка в военных баталиях между русскими князьями.

⁹ Ист.5. стр.227.

Юрий Долгорукий решил отпраздновать победы и, как написано в Никоновской летописи, послал к Святославу приглашение: «Буди, брате, ко мне, к Москве... Любезно целовастся в день Пятка на Похвалу Богородицы». 28 марта 1147 года союзники встретились на берегу Москвы-реки на Боровицком холме, и этот день считается днем рождения столицы будущего огромного государства.

Святослав прибыл в Москву в конце марта. Летописцы ничего не говорят о погоде в день пира, но, надо думать, что «марток – не скидывай порток» был и в те годы «марток», а, значит, в небольшом городке (или селении) уже тогда имелись вместительные теплые помещения, где пировали и ночевали две дружины, где могли переночевать. Численность обеих дружин могла превышать пять и даже десять тысяч человек. Значит, в 1147 году в марте месяце, когда все запасы населения подходили к концу, когда люди с нетерпением ждали майский щавель, на Боровицком холме и в его ближайших окрестностях было достаточно пищи, чтобы накормить в течение нескольких дней много тысяч здоровых мужиков.

Во время пира хозяин ободрил Святослава, обещал и впредь помогать ему во всем. Юрий обильно наградил своих бояр и гостей, не попустился на добрые слова и богатые дары для Владимира, племянника Ростислава Рязанского, своего врага, теребившего налетами Суздальскую землю. Он был щедрым в тот день. Но почему именно в Москве организовал встречу Юрий Долгорукий?!

Причин тому было много. Вот некоторые из них.

Во-первых, здесь было место тихое, почти дачное, где можно было попировать в полной уверенности, что противник не нагрянет сюда внезапно и не испортит радость встречи боевых друзей.

Во-вторых... новгородцы! Юрий Долгорукий чувствовал опасность со стороны Новгорода для своих владений. Встреча князей-союзников в Москве могла показать северянам, что эта земля находится под пристальным вниманием князя Суздальского.

В-третьих, эта встреча могла припугнуть и местных, продемонстрировав мощь княжеских дружин. А разве потомкам бродников, основавших здесь когда-то колонию сел, обогативших своим потом местную землю, могло понравиться активное внедрение в их мирное пространство военизированного княжеского городка?

Встреча в Москве для гостей закончилась. Но последовавшая за тем трагическая история схватки между боярином Кучкой и князем Долгоруким только начиналась.

Крепко повздорили два по-своему мудрых, по-своему влюбленных в местные дали человека. Историки приводят разные версии причин трагической ссоры. Кто-то считает, что во всем повинна жена Степана Ивановича, красавица писаная, от которой, по-видимому, и пошла знатная масть московских жениц. Кто-то считает, что Долгорукого возмутила гордая, независимая натура Кучки. Кто-то говорит о том, что Кучка являлся гражданином Новгорода.

Все эти и другие версии, конечно же, драматургичны. Но не про Юрия Владимировича они сочинены. И не потому, что возраст его шестидесятилетний был давно не пылкий. Бес-то не дремлет. Он может броситься и на столетнего. Дело тут в натуре Юрия Владимировича, человека не воинственного, флегматичного, о чем свидетельствуют военные штрихи его биографии. Он в битвах столько раз проявлял мягкотелость! Такой человек убивать верного боярина из-за какой-то женицы вряд ли станет. Злодеем Юрий Долгорукий не был.

Последние годы Юрий Долгорукого

Вероятнее всего, причиной ссоры князя Суздальского с владельцем Красных сел стала их непримиримость во взглядах на стратегию развития Московского пространства. Кучка, можно предположить, отстаивал прежний способ жизни местных жителей: тихое, мирное

сосуществование на приличном расстоянии друг от друга крупных и мелких сел, деревень, нуждающихся в хорошо укрепленных городах, княжеских дружинах. О том, что такой метод имел право на существование, говорит история некоторых племен и народов, никогда не стремившихся вступать в бурные потоки истории.

Юрий Долгорукий ставил перед собой другие цели.

Эти две практически не пересекающиеся идеи не раз в истории доводили людей до принятия суровых решений. Чтобы не убегать далеко во времени от дня трагической развязки встречи на Боровицком холме, стоит еще раз вспомнить Тэмуджина и методы, которыми он проводил в жизнь свою Ясу. Суровые то были методы. Много людей погибло, целые племена были брошены на алтарь, чтобы в Забайкальской степи родилось величайшее (но слишком воинственное, чтобы быть воистину великим!) государство. Яса скрепила разрозненные племена, повела людей по Евразии воевать. Но разве всем в степи хотелось воевать, покидать долины родных рек и устремляться черти куда ради призрачной славы, ради призрачных выгод? Далеко не всем. А только так называемым людям длинной воли, которым легче зарезать, убить, добыть, ограбить, чем вспахать, засеять, прополоть, вырастить. Воевать тяжело. Жить мирно – тяжелее.

Есть еще одна версия причины ссоры, о которой будет рассказано, когда речь пойдет о мести Кучковичей, детей Степана Ивановича. Юрий Долгорукий в пылу гнева приказал казнить боярина, но останавливаться на этом ему было нельзя. Его бы никто не понял, его бы осудили Кучковичи, дети и родственники погибшего, а их в Красных селах было немало, если учесть чрезвычайную плодовитость восточноевропейских жен тех веков (у Долгорукого, например, родилось от двух жен 13 детей). Конечно, князь мог пренебречь реакцией сыновей и дочерей боярина, но он решил всех задобрить. Он женил, согласно одной из легенд, своего сына Андрея на дочери Кучки, красавице Улите, взял в свою дружину сыновей Кучки Якима и Петра (последнего некоторые источники называют зятем боярина). И, не догадываясь, что произойдет через некоторое время с этой семьей, с его сыном, он занялся другими проблемами.

А русские летописи на целое столетие перестали упоминать о Москве. Этот факт говорит о том, что в XII веке будущая столица великой державы не являлась «бойким узлом торговых и военных дорог» Приокско-Волжского региона, продолжая развиваться в себе самой.

В 1147 году Юрий Долгорукий покинул Москву, но не забыл о ней.

В начале 1149 года Мстиславичи, поддержанные новгородцами, которые на этот раз воевали на стороне великого князя, ворвались в суздальскую землю, пошли по ней с огнем и мечом, разграбили и сожгли много слабо укрепленных городов, взяли большую добычу и 7 тысяч пленных и, погоняемые ранней весной, возвратились в свои княжества.

Летом 1149 года Изяслав прогнал из Киева Ростислава, сына Юрия. Юноша за несколько месяцев до этого бежал от отца к дяде, пользовался в столице уважением и доверием, но злые языки нашептали о нем Изяславу всякие небылицы, и великий князь Киевский отправил племянника назад к отцу. Тут уж рассердился Юрий Владимирович не на шутку. Мало того, что Мстиславичи ограбили Заокскую землю, так великий князь еще и оскорбил Ростислава! Князь Суздальский выступил в поход, и 23 августа разгромил неподалеку от Переславля войско противника. Изяслав бежал в Киев. Здесь он собрал людей на вече и пытался уговорить народ дать бой врагу. «Граждане в унынии ответствовали»: «...Государе добрые! Не подвергайте столицу расхищению; удалитесь на время в свои частные области. Вы знаете, что мы не уживемся с Юрием: когда увидим ваши знамена, то все единодушно на него восстанем». То был голос мудрых, осознающих свою слабость людей: Киев, в котором одних только церквей сгорало в иные пожары около 600, густонаселенный город, не мог постоять за себя.

Изяслав бежал во Владимир Волынский, получил помощь от венгерского короля Гейзы, от поляков, от Владислава Богемского, продолжил борьбу. Киев несколько раз переходил из рук в руки. Юрию Владимировичу помогал отважный Владимирко Галицкий.

В 1151 году князь Суздальский в очередной раз взял Киев, ноотрез отказался от мирных переговоров с Изяславом, готовым на любые уступки, лишь бы сохранить мир в стране. Мир очень был нужен сыну Мстислава. Он словно бы чувствовал, что Юрий Владимирович не сможет долго управлять Киевом, что ни народ, ни бояре, ни духовенство стольного града не воспринимают той государственной доктрины, которую Долгорукий проводил в Суздальской земле и которую мечтал осуществить на всей территории Руси.

Изяславу нужно было время. Он помнил сказанные на вече слова: «...мы не уживемся с Юрием». Сын Мстислава Великого стал искать союзников, отправил младшего брата в Венгрию. Король Гейза поздней осенью повел войско на Русь, преодолел Карпатские горы, взял Санок, направился к Перемышлю. Владимирко Галицкий, не готовый к войне, подкупил архиепископа и чиновников Гейзы, и те уговорили короля прекратить на время боевые действия. Сын Мстислава применил еще один дипломатический ход, женился на родственнице короля, и тот выделил великому князю киевскому отряд в десять тысяч бойцов – крупная сила по тем временам.

Изяслав пошел на Киев. Владимирко Галицкий последовал за ним. Великий князь оказался в клещах. Воеводы испугались. Изяслав, однако, от похода не отказался.

«Вы пошли со мной, оставив врагу свои дома, села и богатства. А я лишился наследного престола. Буду биться до конца. Иду на суд Божий» – ответил он малодушным, повел войско дальше.

Андрей Юрьевич не смог задержать врага у Пересопицы, отошел, соединился с дружиной князя Галицкого, и вместе они поспешили за Изяславом.

Тому удалось с помощью ложных костров ввести противника в заблуждение, сняться ночью с места, оторваться от преследователей. Владимирко и Андрей надеялись на Бориса Юрьевича, который просто обязан был остановить противника на подступах к Белгороду, где у этого сына Долгорукого была сильная дружина.

Борис Юрьевич по ночам кутил с воеводами, а днем – отсыпался. Беспечный был человек Борис. Изяслав подошел к Белгороду в разгаре пьянки. Ночь стояла тихая. Город спал. Гудели только в княжеском дворце. Воины Изяслава ворвались через крепостные ворота в город, трубы затрубили, барабаники громко ударили в барабаны – в городе проснулся люд, дружинники Бориса запаниковали.

Пьяный князь с пьяными боярами и воеводами выбежали из дворца, протрезвели вмиг, сели на коней и поскакали прочь. Это не удивительно, что пил Борис всю ночь. Удивительно то, что, даже в стельку пьяный, не забыл он приказать слугам держать коней наготове.

Прискакал Борис к отцу в Киев и закричал не своим голосом:

– Изяслав в Белгороде! Венгры дали ему большую армию. Мы пропали!

Отец перепугался, отправился к Днепру, сел там в лодку и уплыл в Остер, оставив сына и воевод с боярами суздальскими в Киеве. Не удивительно, что Юрий Владимирович испугался, удивительно, что лодка на пристани стояла, всегда готовая к отплытию. Этот эпизод не делает чести сыну Мономаха. Недоброжелатели Юрия Владимировича часто используют подобные факты из его биографии, доказывая, что этот князь не являлся выдающимся полководцем... Но данный эпизод говорит в первую очередь о другом: город Киев не принял заокского князя, не считал его своим.

Изяслав со славой вошел в столицу. Народ встретил его с великой радостью, хотя радоваться было еще рано: Владимирко с Андреем приближались с большим войском к городу. Они могли овладеть столицей без труда. И тогда не поздоровилось бы тем, кто кричал громкие здравницы в честь Изяслава. Великий князь Киевский готовился к продолжению боевых действий, воодушевленный теплой встречей. Он не знал, что случилось в стане противника.

Князь Галицкий, услышав о том, как легко его союзники сдали Киев, прямо заявил Андрею:

– Разве можно так беспечно пировать?! Один сын сидел в Пересопнице с дружиной, другой – в Белгороде. Враг прошел через эти города, а сыновья даже вовремя не оповестили отца об опасности? Если вы так правите, то я вам ничем помочь не смогу.

Владимирко вернулся в Галицкую землю. Вскоре, однако, он вновь помогал Юрию Владимировичу в непрекратившейся борьбе с Изяславом, хотя делать это ему было очень сложно. Галицкая область, западный форпост Киевской Руси, испытывала давление со стороны венгерского короля Гейзы, да и других западных соседей. Гейза несколько раз вынуждал Владимира давать в критических ситуациях обещания не воевать против Изяслава. Но русский князь не мог отказать Юрию Владимировичу, которому давным-давно дал клятву верности.

В том же 1151 году князь Юрий Владимирович с крупным войском, усиленным отрядами половцев, подошел к Днепру. Готовился он к операции тщательно. Переправа была организована быстро. Люди садились в насады, лодки с высокими надставными бортами, и отчаливали от берега. С противоположного берега им навстречу устремились ладьи, изготовленные по проекту Изяслава и его умельцев. Борта у судов были тоже высокие. Но не это являлось главной находкой киевлян.

Бой разгорелся. Суздаляцы рвались к Киеву, но насады, тяжело маневрируя по быстрой воде Днепра, не находили лазейку между ладьями киевлян, которые имели по два кормчих – спереди и сзади. Это позволяло неуклюжим на вид судам моментально менять курс на 180 градусов, вовремя перекрывать бреши.

Первый день битвы закончился ничем. Утром Юрий отправил флотилию в Долобское озеро. Отсюда его воины волоком отволокли лодки к Золотчи и по ней вошли в Днепр с севера от Киева. Этот маневр не принес результата. Изяслав не пропустил неприятеля к броду. Юрий послал сына Андрея к Зарубовскому броду. Отряд киевлян во главе со Шварном не выдержал удара, и конница половцев, поддержанная флотилией, перешла по Зарубовскому броду Днепр. Положение Изяслава ухудшилось. Юрий Владимирович продемонстрировал тонкое понимание военного дела! Победа была близка.

Шварн прискакал в Киев, доложил о катастрофическом положении у Зарубовского брода. Князь спокойно сказал:

– Они не крылаты. А перелетевши Днепр, сядут где-нибудь. Подпустим их. В болотистой местности половецкая конница не разгуляется.

Затем Изяслав поклонился церкви Святой Богородицы Десятиной, построенной в 989 году Владимиром I, затем – церкви Святой Софии и спокойно, без тени тревоги на лице выступил из Киева. На смертный бой шел Изяслав. На виду у многих горожан, которые когда-то сказали ему: «Мы все встанем за тебя». Он шел не спеша. Никого ни о чем не просил. И вдруг горожане сказали свое слово:

– Мы все пойдем на смертный бой. Кто с мечом, кто с палкой, кто с камнем. А кто откажется, того мы своими руками убьем.

Большим авторитетом нужно пользоваться у людей, чтобы в минуту тяжкую они приняли такое решение. Подобную армию одолеть нелегко. Победить ее практически невозможно. Ее можно только уничтожить. Но такое удавалось в редких случаях.

Утром два войска выстроились друг перед другом. Половцы, воевавшие на стороне Юрия, заволновались, почуяв силу. Андрей Юрьевич ободрил их, обещал увеличить вознаграждение. Успокоил он русских воинов.

Князю Изяславу тоже пришлось подбадривать киевлян. Страх – чувство сильное. Когда кричишь на вече: «Я буду воевать!» – его нет. Он приходит позже, когда перед глазами стоит на поле вражья рать, а там бойцы сильные, опытные. Страх – дело общее. Его и побеждать надо сообща. Все люди боятся смерти. Только нелюди не боятся. Но таких мало даже среди головорезов. Нельзя корить людей за страх. Его нужно побороть.

Изяслав сказал киевлянам самые простые слова, но этого оказалось недостаточно. Страх остался в глазах воинов. И тогда великий князь киевский развернул коня и поскакал один на врага. И цокот копыт тут же убил страх.

Андрей, сын Юрия, тоже бросился в бой. Он поразил несколько киевлян, сломал копье. Под ним ранило коня, с головы князя сорвали шлем.

Изяслав тоже сломал копье, был ранен в руку, затем – в ногу. От резкой боли он потерял сознание, слетел с коня. Бой продолжался.

В самый ответственный момент половцы покинули войско князя Суздальского. Киевляне усилили натиск и одержали прекрасную победу.

Бой уже закончился. Киевляне шли по полю, считали потери. Кто-то обратил внимание на лежащего воина, кровь заливала его одежду, лицо. Он шевельнулся, произнес, едва слышно:

– Я князь.

– Ты-то нам и нужен, – один из воинов ударил мечом по шлему лежащего.

Шлем выдержал удар. Воин ударил посильнее, затем – совсем сильно. С третьего раза меч пробил шлем. От дикой боли раненый окреп голосом, вскрикнул:

– Я – Изяслав!

А чтобы ему быстрее поверили, он, превозмогая боль, снял шлем.

– Кирие элейсон! Кирие элейсон! – закричали радостные киевляне, что в переводе с греческого означало: «Господи, помилуй!».

Победа в том сражении не изменила расстановку сил в распре. Но поведение Изяслава и киевлян в ней может многое подсказать о том, что же собой представлял самый серьезный соперник Юрия Владимировича, и на какие силы он опирался.

Н. М. Карамзин высоко оценивает личностные качества и итоги государственной деятельности Изяслава Мстиславича. «Мужественный и деятельный, он всего более искал любви народной и для того часто пировал с гражданами; говорил на вечах, подобно Великому Ярославу; предлагал там дела государственные и хотел, чтобы народ, исполняя волю государя, служил ему охотно и врагов его считал собственными. Разделив престол с дядею, добродушным и слабым (с Вячеславом Владимировичем – А.Т.), Изяслав в самом деле не уменьшил власти своей, но заслужил похвалу современников; обходился с ним как нежный сын с отцом; один брал на себя труды, опасности, но приписывал ему часть побед своих и жил сам в нижней части города, уступив Вячеславу дворец княжеский»¹⁰.

Да, Изяслав Мстиславич был прекрасным политиком, изворотливым, хитрым. Понимая, что Вячеслав имеет полное право занять великокняжеский престол, сын Мстислава сумел привлечь на свою сторону невоинственного, мягкотелого старика Вячеслава, посадил его в золотую клетку, превратил старшего из оставшихся в живых Мономашичей в экспонат, важный и дорогостоящий, а сам правил Киевской Русью, не имея на то никаких прав. Очень крупный политик. Не имея мощной поддержки в стране, он обольстил пьянками на пирах киевлян, влюбил их в себя, и сам влюбился в них. А чтобы любовь была крепче, Изяслав нанимал иностранные войска, которые ходили по землям Галицкого и других княжеств за крупные вознаграждения.

Другие князья русские также не гнушались помощью извне, приглашали в дружины половцев, берендиев, торков, которые подчас играли важную роль в битвах. Изяслав пошел дальше. Иностранные армии (венгров, богемцев, ляхов...) стали частью его политики. Но эта часть требовала огромных средств, что отрицательно сказывалась на внутривнутриполитическом положении русского государства. Политика, основанная на привлечении наемного войска для решения государственных задач, может иметь успех для конкретного правителя, что и случилось в судьбе Изяслава, который выиграл-таки свой личный бой с Юрием Долгоруким. Он

¹⁰ Ист.5, стр. 250.

умер своей смертью, будучи великим князем Киевским и, видимо, считая себя великим человеком. Но он таковым не был. И тот факт, что его любили киевляне, равным счетом ни о чем не говорит. Любить-то они его любили, но странною любовью: всего один раз жители Киева сподобились встать на защиту своего возлюбленного. В остальных же случаях он был вынужден защищаться чужими руками.

18 ноября 1154 года Изяслав Мстиславич скончался. После его смерти в Киеве несколько месяцев правил Ростислав Мстиславич, а 20 марта 1155 года сан великого князя Киевского принял «с общего согласия» Юрий Владимирович Долгорукий.

«Множество людей с великой радостью вышло ему навстречу, – написал об этом дне летописец. – И сел он на столе отца своего, славя Бога». Тот же летописец, до этого подробно, в ярких красках осветивший годы правления главного противника князя Суздальского, теперь создал для Юрия очень громкий, особый титул: «Великий князь Юрий, сын Владимира Мономаха, внук Всеволода, правнук Ярослава, праправнук Великого Владимира, крестившего всю землю Русскую»¹¹. Такого титула не удостоились ни Мстислав, ни его сын Изяслав, и уже один этот факт говорит о том, как высоко оценивали современники деятельность Долгорукого на великокняжеском престоле, хотя итоги ее можно признать весьма незначительными. Была только идея собрать Русь: Северную (Новгородскую), Заокскую и Южную.

Юрий Долгорукий занимался этой проблемой еще в 1149 году, впервые заняв киевский престол. Он объединил под своей жесткой властью земли вокруг Киева, стал перераспределять волости, не обращая внимания на наследственные права, а также на права победителей в междоусобных конфликтах. Он повел себя не как великий князь, но как царь. Царем славным, господином добрым, отцом подданных называли великого князя Изяслава Мстиславича киевляне, а также берендиш, торки, проживавшие в Киевской земле. Удивительное дело! То ли люди не знали, чем в принципе отличается царь от князя, то ли так понравился обаятельный Изяслав (люди любят «обаяшек» на тронах!); то ли чем-то не потрафил им Юрий Долгорукий – скорее всего, не потрафил, но его политика не пришлась по душе киевлянам.

Он направил старшего сына Ростислава в Переяславль. Глебу отдал на княжение Канев, Борису – Белгород; а Суздаль оставил совсем еще молодому Василию при тысяцком – старом своем друге и сподвижнике Георгии Симоновиче. Он вел себя как царь. Он делал то же самое, что делали в те годы вожди племен, обитавших в долинах Забайкальских рек. Только – другими средствами, миролюбивыми. Он собирал под единой властью Русь.

Это никому не нравилось. Юрий Долгорукий быстро терял авторитет, даже среди союзников. Попытка 1149 года завершилась неудачно. Но и в следующем году князь правил в Киеве по тем же принципам и так же мало.

Изяслав одержал над ним верх!

Но в 1155 году, когда не стало опасного соперника, появился ли у Юрия Долгорукого хоть один шанс осуществить задуманное? Сын Мономаха вновь продолжил прежнюю политику: роздал сыновьям (а их у него в 1155 году в живых осталось девять) ключевые земли.

Особое внимание при этом он уделил Суздальской области, завещав ее младшим сыновьям от второго брака с византийской принцессой. Одним лишь завещанием он не отделался, организовал пышные торжества по случаю «крестоцелования» на верность его детям. Присягнули князю Суздальскому вся его дружина и население. Этаким странным шагом. С одной стороны, Долгорукий пытался собрать Русь под центральной властью Киева, с другой стороны, он, даже обремененный делами в столице, не забывал о своем уделе, основывал в Суздальской земле города, строил каменные церкви. Он будто бы предвидел большое будущее в истории страны именно этого региона, Заокского.

¹¹ ПСРЛ, т. II, изд. 2-е, столб. 383–384.

Колокольный звон на пышной церемонии «крестоцелования» в Суздальской земле услышали все на Руси. Юрий Долгорукий, муж принцессы Византийской, передал ее детям (а не детям от первой жены, половчанки) быстроразвивающуюся область, устроил богатый праздник, напоминающий торжественностью и пышностью церемонию посвященную восшествию монарха на престол. Этот факт говорит не только о властолюбивых намерениях, выходящих за рамки существовавших в те годы на Руси обычаев и государственных устоев, но и об отношении Юрия к Суздальской земле, которую он в течении всей своей жизни обихаживал, с которой он сроднился.

Политика создания единогодержавного государства стала давать сбой.

Сначала Юрию удалось достичь немалых дипломатических успехов, замириться практически со всеми врагами, но они вскоре почувствовали, что сын Мономаха мечтает о единой держави, и стали готовиться к войне, великий князь принял вызов, война была неизбежна...

10 мая 1157 года Петрила, боярин Юрия Долгорукого, пригласил великого князя киевского на пир. Шестидесятисемилетний сын Мономаха принимает приглашение. Он не мог его не принять. Подготовка к новой распре подходила к концу. Уже сформировались противоборствующие союзы князей, уже собраны боевые дружины. Скоро начнутся битвы. Нужно показать всем свое физическое здоровье, свои добрые взаимоотношения с боярами, воеводами, знатными людьми. Нужно хитрить. Киев отдавать врагам Долгорукий не мог. Авторитет и великое прошлое могучего града довели над ним.

Он пошел на пир.

Ночью после пира Юрий Долгорукий почувствовал себя плохо, слег. Ему осталось жить пять дней.

15 мая 1157 года Юрий Владимирович Долгорукий умер. Его возможный соперник по предстоящей распре Изяслав Давидович, узнав об этом сказал, подняв руки к небу: «Благодарю тебя, Господи, что ты рассудил меня с ним внезапной смертью, а не кровопролитием!». То был благородный порыв. Киевляне, в отличие от Изяслава Давидовича, поступили иначе. После смерти Долгорукого они разграбили его дворец и сельскую усадьбу, ворвались в имение суздальских бояр, устроили там погром, а тех, кто попытался оказать им сопротивление, они убили. Горожане столицы вели себя как злопамятные старцы. Они забыли даже о святом. Они не захотели в диком своем исступлении, чтобы тело Долгорукого лежало рядом с телом Мономаха, и предали его земле в Берестове, в обители Спаса.

Дикая неуправляемая толпа мстила Юрию Владимировичу за то, что он пренебрежительно относился к дряхлеющему городу, а значит, и к горожанам, детям стареющего города, детям, избалованным славой предков. Ярким подтверждением пренебрежительного отношения к Киеву являются построенные в последние пять лет жизни князя города и церкви в Суздальской земле. Эту деятельность Юрий Долгорукий не прекратил, даже будучи великим князем киевским.

Академик М. Н. Тихомиров о деятельности Юрия Долгорукого

«Юрий Долгорукий строил города с определенными стратегическими целями, на больших водных путях, по которым можно было проникнуть внутрь Суздальской земли... Москва была построена в том месте, где Клязьма ближе всего подходит к Москве-реке. Через это место неминуемо должны были проходить отряды, направлявшиеся из Чернигова и Рязани на север в Суздальскую землю. Путь из Рязани в Суздаль и Владимир обычно шел по Оке и Москве-реке до поворота Москвы-реки, который она делает как раз в районе нашего города. Яуза как бы связывает Москву-реку с Клязьмой, по которой шел путь далее к Суздалю и Владимиру. К Москве выводила и та дорога «сквозь вятичи», т. е. через страну вятичей, которую проделал Владимир Мономах, ставивший себе в заслугу преодоление этого долгого и опасного пути.

Уже в первом известии о Москве 1147 г. перед нами ярко выступает ее значение как города, связывавшего Суздальскую землю с Черниговской.

Когда Святослав Ольгович в 1147 г. шел навстречу Юрию Долгорукому, то он остановился в Лобынске, стоявшем при устье Протвы. Таким образом, Лобынск был крайним пунктом Черниговской земли на севере, тогда как Москва была передовым пунктом Суздальской земли на западе.

Такой же характер передовых крепостей Суздальской земли имели другие города, построенные Юрием Долгоруким – Дмитров, Юрий Польский и Переяславль-Залесский. Дмитров заступал дорогу в Суздальскую землю по рекам Дубне и Веле. Он был построен там, где река Яхрома резко поворачивает на запад. Таким образом Дмитров прикрывал путь от Волги на юг в сторону той же Клязьмы, верховья которой отстояли всего на 40-50 километров от нового города. Следовательно, одновременное построение городов на Москве и на Яхроме преследовало цели защиты важнейшего пути Суздальской земли – реки Клязьмы.

Подобное же значение имели и два других города, построенных в один год (1152 г.): Юрьев и Переславль. Переславль возник в плодородном «ополье» на берегах Клецины, или Переславского, озера, через которое протекает река Нерль, левый приток Волги. По Нерли шла прямая дорога с запада в глубь Суздальской земли, так как верховья волжской Нерли вплотную подходит к другой Нерли, впадающей в Клязьму. Район Нерли, где возник Переяславль, был издавна населен, и Юрий Долгорукий только перенес город на новое место. Старый город Клецин, стоявший на озере, еще упоминается в списке русских городов, составленном в конце XIV–XV в.»¹².

Власть, город и люди

Точных сведений о том, что собой представляли Красные села Степана Ивановича Кучки, как и кем они управлялись, какими были взаимоотношения власти, городка на Боровицком холме и сельчан, наука пока не имеет. Поэтому полезно было бы напомнить читателю о политическом устройстве Киевской Руси в XI–XII веках. В это время в городах одновременно функционировали две власти: княжеская и городская – вечевая. За три предыдущих столетия князья Рюриковичи, во-первых, создали крепкое государство, своими победами и мудрой внутривластной деятельностью завоевали громадный авторитет далеко за пределами Восточной Европы. Но даже такие крупные государственные мужи, какими были Ярослав Мудрый и Владимир Мономах, не решились посягнуть на вече, упразднить вечевой строй, который в этих краях существовал издревле, задолго до того, как варяги прибыли сюда. Кроме того, вечевой строй восточноевропейских племен и народов был похож на тинг – средневековое народное собрание у скандинавов, так что он не был чем-то чужеродным, непривычным для варягов, пришедших на Русь. Рюриковичи потому-то и смирились с вечевой властью, что вече было старше князей, а старшинство они почитали: власть и у них передавалась по старшинству.

С другой стороны, вече часто добровольно отдавало князю свои полномочия. Надо подчеркнуть, что в целом эти две власти мирно сосуществовали на Руси в течение многих веков, хотя и вече, и князья всегда мечтали о «самодержавии».

Князья Киевской Руси исполняли несколько функций: являлись одновременно законодателями, военными вождями, верховными судьями и верховными администраторами, то есть обладали высшей политической властью. Дружина поддерживала князей полностью. «Еще Владимир Святой, по летописному преданию, высказал мысль, что серебром и золотом дружины нельзя приобрести, а с дружиной можно достать и золото, и серебро. Такой взгляд на дружину как на нечто неподкупное, стоящее к князю в отношениях нравственного порядка,

¹² М. Н. Тихомиров. Труды по истории Москвы. М., 2003.

проходит через всю летопись. Дружина в Древней Руси пользовалась большим влиянием на дела; она требовала, чтобы князь без нее ничего не предпринимал, и когда один молодой киевский князь решил отправиться в поход, не посоветовавшись с ней, она отказала ему в помощи, а без нее не пошли с ним и союзники князя... Дружина делилась на старшую и младшую. Старшая называлась «мужами» и «боярами». <...> Бояре были влиятельными советниками князя, они в дружине бесспорно составляли высший слой и нередко имели свою собственную дружину. За ними следовали так называемые «мужси», или «княжси мужси», — воины и княжеские чиновники.

Младшая дружина называется «гриди», иногда их называют «отроками», причем это слово нужно понимать лишь как термин общественного быта, который мог относиться, может быть, и к очень старому человеку. Князь должен был относиться к дружиннику и «мужу» как к человеку вполне независимому, потому что дружинник всегда мог покинуть князя и искать другой службы. Из дружины князь брал своих администраторов, с помощью которых он управляет землею и охраняет ее. Эти помощники назывались «вирниками» и «тиунами»; обязанность их состояла в суде и взыскании выры, т. е. судебной пошлины, в управлении землею и в сборе дани. Дань и вира кормили князя и дружину»¹³.

Кроме дани и выры князь и дружина получали военную добычу, а князь еще имели немалые доходы с частных земель (сел), которые они приобретали, пользуясь политической властью и силой, по дешевке.

Доходные места дружинников, громадная власть, которой обладали князья, казалось бы, должны были усилить политическое положение Рюриковичей до такой степени, когда им и их дружинникам вече стало бы просто ненужным. Действительно, во время расцвета и могущества Киевской Руси, то есть при Ярославе Мудром и его сыновьях, власть князей, в буквальном смысле слова, подавила вече во многих городах, хотя окончательно сокрушить этот исконно народный институт власти Рюриковичи не решились, а может быть, не посчитали нужным, и передали вече хозяйственные функции.

Но по мере разрастания рода Рюриковичей и распри между ними, по мере деления Руси на уделы городские вече вновь обрели политическое значение, о чем в первую очередь говорит опыт новгородцев, объявивших у себя вечевую республику. Другие города Киевской Руси в XII веке так далеко не пошли, но, почувствовав слабость князей, стали по своему усмотрению призывать к себе князей, заключать с ними ряды, спорили с князьями, а то и «указывали им путь», то есть выпроваживали.

Большой русский город в XII веке представлял собой сложный социальный организм. На верху общества находилась княжеская дружина, с которой сливается прежний высший земский класс бояр. Из рядов дружины назначается княжеская администрация и судьи (посадник, тиун и др.).

Вообще же население страны можно было бы поделить на горожан (купцы, ремесленники) и сельчан, из которых свободные люди назывались смердами, а зависимые — закупам. Закупы не были рабами, они были условно зависимые люди, с течением времени сменившие полных рабов.

Дружина и люди не составляли общественные классы, из одного состояния можно было свободно переместиться в другое. «Основное различие в их положении заключалось, с одной стороны, в отношении к князю (одни служили князю, другие ему платили; что же касается холопов, то они имели своим господином хозяина, а не князя, который их вовсе не касался), а с другой стороны — в хозяйственном и имущественном отношении общественных классов между собой»¹⁴.

¹³ Платонов С. Ф. Полный курс лекций по русской истории. СПб.: Кристалл, 1997. С. 108–109.

¹⁴ Платонов С. Ф. Указ. соч. С. 113.

Далеко не всем знатокам и любителям московской старины придется по душе финал первой части книги об истории города, приходящийся на 1176 год – год убийства боголюбивого князя. Но убийство Андрея Боголюбского, хотя и далекого в своих планах, мечтах и делах от Москвы, вполне могло иметь не отраженную в рассказе о сыне Юрия Долгорукого чисто московскую, не политическую, но экономическую, хозяйственную причину, о существовании которой напрочь забыли многие историки Москвы.

Речь идет о противостоянии двух влиятельнейших, богатейших, авторитетнейших московских родов: боярина Степана Ивановича Кучки и сподвижника князя Георгия Симоновича. Есть основания считать, что Кучка тоже был тысяцким. Кто или что сделало его тысяцким, сказать пока невозможно: то ли новгородский князь, то ли наследственное право, то ли сам Юрий Владимирович Долгорукий, у которого, надо сказать, тысяцким был и Георгий Симонович.

Москва в 1147 году уже притягивала к себе мудрых политиков, а значит, и тех, на кого они опирались и кто, опираясь на князей, мечтал о должностях доходных и важных.

Должность тысяцкого была очень доходной и знатной. Позже, когда Москва начнет возвышаться над остальными городами, тысяцкими в ней будут то потомки Симона, то потомки иного древнего московского рода. Об этом пойдет речь позже. В данной главе нас интересует начало этой борьбы. Первый акт ее, вполне допустимо, свершился в марте 1147 года, когда Юрий Долгорукий (уж не с подачи ли Георгия Симоновича, который наверняка сопровождал князя на пирушку в Москве?) разбушевался, разозлился и повелел казнить Кучку. Второй акт этой драмы состоялся в 1176 году, в день гибели Андрея Боголюбского.

Но то была лишь завязка драмы, то было начало истории города Москвы, народа, который с первых же дней своего существования вынужден был наблюдать за битвой, впрочем, обычной для русских городов XII–XIII веков, двух родов, один из которых являлся, по выражению С. Ф. Платонова, представителем «земской аристократии», а другой – представителем «княжеских бояр». «На севере в городах должна была быть такая же аристократия с земледельческим характером. В самом деле, можно допустить, что «бояре» новгородские, колонизуя восток, скупали себе в Ростовской и Суздальской земле владения, вызывали туда на свои земли работников и составляли собою класс более или менее крупных землевладельцев. В их руках, независимо от князя, сосредотачивалось влияние на вече, и вот с этой-то земледельческой аристократией, с этой силой, сидевших в старых городах, приходилось бороться князьям; в новых, построенных князьями городах такой аристократии, понятно, не было»¹⁵.

¹⁵ Платонов С. Ф. Полный курс лекций по русской истории. СПб.: Кристалл, 1997. С. 121.

Андрей Юрьевич Боголюбский (1111–1174 гг.)

Дело Боголюбского

Приблизительно в 1111 году у князя Суздальского Юрия Владимировича и половецкой княжны, дочери хана Аепы, родился сын Андрей. О первых 35 годах его жизни известно лишь то, что он провел их в Суздальской земле.

В 1146 году Андрей с братом Ростиславом выбили Ростислава Рязанского из Рязани. В 1149 году Юрий Владимирович, одержав победу над Изяславом и выгнав его из Киева, дал Андрею город Вышгород, расположенный в семи верстах от Киева, который являлся важным стратегическим пунктом в системе обороны столицы Древней Руси.

Во время похода Юрия в Волынскую землю (удел Изяслава) в 1149 году Андрей при осаде Луцка проявил великолепные бойцовские качества, выдающуюся храбрость. Его порыв, достойный античных героев, спас отца от больших неприятностей. Вскоре после этого подвига Андрей стал посредником между Изяславом и Юрием и сделал многое для заключения мира, непрочного. В 1150 году Изяслав выбил Юрия из Киева. Овладев великокняжеским престолом, он попытался изгнать Ростислава Владимировича из богатого и важного в стратегическом отношении Переславля, но Андрей подоспел на помощь брату, и затея Изяслава сорвалась. В том же году Юрий вновь овладел Киевом. Он дал Андрею пограничные с Волынской областью города Туров, Пинск, Дорогобуж и Пересопницу. Андрей тщетно пытался замирить Изяслава с отцом.

Изяслав с помощью наемников выбил Юрия из Киева. Юрий с Андреем ушли в свой наследственный удел, в Городец Остерский. Здесь Юрий продолжил борьбу со своим врагом. Не без помощи Андрея он собрал крупное войско и подступил к Киеву. В сражении Андрей неоднократно проявлял мужество, дрался с врагом как великолепный поединщик. Но битва при реке Руте закончилась полной победой Изяслава. Андрей отправился в Суздальскую землю. Все его попытки уговорить отца прекратить борьбу за Киев остались безрезультатными. Развивая успех, Изяслав взял Переславль, разграбил и сжег в 1152 году Городец Остерский.

Юрий Долгорукий осадил Чернигов. Двенадцать дней шли ожесточенные бои за город. Андрей лично участвовал в штурмах, водил людей в отчаянные атаки, призывая делать то же самое князей. Подоспевший на помощь черниговцам Изяслав вынудил войско Юрия отступить.

В 1154 году Юрий Долгорукий совершил удачный поход на Муромскую землю, изгнал оттуда Ростислава и передал ее Андрею.

После смерти в 1154 году Изяслава Мстиславича и кратковременного княжения в Киеве Ростислава Мстиславича на престол вступил Юрий Долгорукий. Он передал город Вышгород Андрею. Но тот без разрешения отца покинул Киевскую землю и уехал в Суздаль, проявив пренебрежение к борьбе князей из-за Киева, к самому Киеву. Из Вышгорода Андрей вывез высокочитимую икону Божией Матери, писаную, согласно преданиям, Святым Лукой.

В одиннадцати верстах от Владимира, как говорят русские летописцы, конь, на котором везли икону, остановился. Андрей, человек набожный, считал это знамением и построил здесь село Боголюбово, где впоследствии проводил большую часть своего времени. По названию села Андрей получил имя Боголюбский. Село (а затем город) стало главной резиденцией князя. «Отсюда он распоряжался Русской землей; сюда приходили к нему союзные и подвластные ему князья со своими полками, которые он направлял по своему усмотрению»¹⁶.

¹⁶ Ист. 8, стр. 321.

В 1157 году умер Юрий Долгорукий. В это время Андрей жил в Суздальской земле, занимаясь хозяйственной деятельностью. Он значительно расширил город Владимир, возвел здесь много каменных зданий, украсил крепостные стены «Златыми вратами».

Узнав о кончине отца, опечаленный Андрей воздал ему должные почести, основал новые церкви. Отношение к Юрию в Суздальской земле было иное, чем в Киевской. Во Владимире священный клирос благословлял память об усопшем. И к Андрею здесь относились с уважением. До смерти Юрия Суздалем и Ростовом управляли младшие его сыновья, согласно завещанию. Но сразу после смерти великого князя горожане «единодушно признали Андрея государем».

Отказавшись от борьбы за киевский престол, понимая бесперспективность и пагубность этой борьбы, Андрей Юрьевич основал новое великое княжество Суздальское и Владимирское, перенес во Владимир столицу вновь созданного княжества. Вся его последующая деятельность была направлена на то, чтобы сделать Владимир общерусской столицей, общерусским политическим центром.

В 1159-1160 годы князь укреплял позиции Владимиро-Суздальского княжества, принципиально изменив политические ориентиры отца, мечтая взять под свой жесткий контроль Новгород, где сидел в то время Святослав Ростиславич. Андрей сблизился с Изяславом Давидовичем, который вел упорную борьбу за киевский престол с Ростиславом Мстиславичем, «помолвил свою дочь за его племянника, Святослава Владимировича», помог последнему в борьбе против Святослава Черниговского.

Отпраздновав победу и свадьбу дочери в Волоке Ламском, Андрей отправил в Новгород послов. Они сказали горожанам, что великий князь Владимиро-Суздальский «намерен искать княжения» в их городе. В том же году Андрей послал в Новгород своего наместника. Это заметно усилило великого князя, и он перестал воевать в союзе с Изяславом Давидовичем за киевский престол.

В 1163 году Андрей Боголюбский, проводя жесткую политику централизации власти в своем княжестве, отменил систему уделов. Он правил самостоятельно, не давая братьям городов. Подобная политика не понравилась его родственникам. Не обращая внимания на недовольство, Андрей изгнал из княжества младших братьев Мстислава – Василька и Михаила, а также сыновей своего умершего брата Ростислава Юрьевича и бояр отца, которым были не по сердцу эти нововведения.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.